

Рабьяня Тёмного Властелина

Сергей Галактионов

Сергей Галактионов

Рабыня Темного Властелина

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Рабыня Темного Властелина / С. В. Галактионов — «Автор»,
2026

Маргарита Черкасова — лучший кризис-менеджер Москвы. Проснулась в теле рабыни во дворце Тёмного Властелина Кайруса Дрейвона — полудемона, который триста лет удерживает разваливающуюся империю силой и страхом. Казна пуста, армия голодает, лорды предают, а Светлый Альянс людей готовит крестовый поход. У Риты нет магии, меча и армии. Только двадцать лет политического цинизма, ноутбук в голове и дедлайн в шесть месяцев. Она предлагает сделку: ребрендинг, реформы и победа — в обмен на дорогу домой. Но чем ближе победа, тем сложнее уйти.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дедлайн	6
Глава 2. Активы и пассивы	13
Глава 3. Сделка с демоном	22
Глава 4. Первый рабочий день	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Галактионов

Рабыня Темного Властелина

«Правитель, который правит страхом, — мёртв задолго до того, как его убьют. Он просто ещё не знает об этом».

— Мортиус, канцлер Ноктурриса, «Записки о власти», глава, которую он сам сжёг

Глава 1. Дедлайн

Я умерла в три часа сорок семь минут ночи, двадцать третьего ноября, в четверг.

Четверг — это важно. По четвергам у меня созвон с Красноярском в шесть утра, и я помню, что моя последняя осмысленная мысль была не о Боге, не о смысле жизни и не о том, что я так и не сказала маме «с днём рождения». Моя последняя мысль была: «Если я умру сейчас, кто проведёт созвон с Красноярском?»

Это, наверное, многое обо мне говорит.

Давайте по порядку.

Меня зовут Маргарита Андреевна Черкасова, тридцать три года, основатель и генеральный директор кризисного агентства «Черкасова и партнёры». Партнёров нет. Это маркетинг. Есть я, ноутбук, три телефона, кофемашинка за сто двадцать тысяч рублей — единственная роскошь в моей жизни — и арендованный офис на Тверской, который я не могу себе позволить, но который внушает клиентам правильное впечатление.

Я — кризис-менеджер. Политтехнолог. Человек, которому звонят, когда всё уже горит, и говорят: «Рита, спаси». Я спасаю. Сенаторов из секс-скандалов. Губернаторов из коррупционных дел. Корпорации из репутационных катастроф. Я делаю это хорошо. Лучше всех в Москве, если верить рейтингу Forbes, а если не верить — спросите любого политика, который сейчас сидит в своём кресле благодаря мне. Он не скажет моё имя, конечно. Это часть работы. Я — невидимка. Самая дорогая невидимка в стране.

В ту ночь я сидела за столом уже семнадцать часов подряд.

Клиент — федеральный чиновник, которого поймали на переписке с девятнадцатилетней стажёркой. Переписка — пошлая, но не криминальная. Проблема — его жена. Жена — дочь человека, фамилию которого я не назову даже мёртвой. Жена знает. Жена хочет крови. Мне нужно за двенадцать часов сделать так, чтобы: а) переписка исчезла из Telegram-каналов, б) стажёрка получила грант на обучение в Лондоне и улетела навсегда, в) жена поверила, что переписку сфабриковали политические враги мужа. И всё это — до утреннего эфира на Первом канале, где чиновник должен выглядеть жертвой, а не кобелём.

Я уже закрыла пункты «а» и «б». Стажёрка летела бизнес-классом в Хитроу. Каналы удалили посты за «нарушение правил площадки». Оставался пункт «в» — жена. Самый сложный. Потому что жена — не дура. Жена закончила МГИМО и пятнадцать лет прожила рядом с мужем, который врёт как дышит. Её не обманешь поддельными скриншотами. Ей нужна история, в которую она захочет поверить. Потому что альтернатива — развод, раздел имущества и война с отцом, которая уничтожит всех.

Я писала сценарий разговора для чиновника — дословно, с ремарками, как в пьесе: «здесь пауза, здесь дрогнувший голос, здесь — взять её за руку, но не сжимать, просто положить ладонь сверху» — когда почувствовала боль.

Не резкую. Тупую. Как будто кто-то положил на грудь мешок цемента и медленно, лениво на него сел.

Я не обратила внимания.

У меня болело в груди уже полгода. Иногда — после четвёртого эспresso. Иногда — просто так, утром, когда я вставала с дивана, на котором спала, потому что до кровати не дошла. Я ходила к врачу в августе. Он сказал: «Маргарита Андреевна, вам тридцать три года, у вас давление сто шестьдесят на сто, пульс девяносто пять в покое, хроническое недосыпание и уровень кортизола, который я видел только у пилотов-истребителей. Вам нужен отпуск». Я сказала: «Спасибо, доктор. Выпишите мне что-нибудь от давления». Он выписал. Я не купила. Потому что аптека закрывалась в девять, а я в девять была на совещании.

Боль усилилась. Левая рука онемела.

Я подумала: «Отлежала».

Допечатала абзац. Сохранила файл. Потянулась к чашке — четвёртый эспрессо, остывший, горький, прекрасный — и не смогла её взять. Пальцы не работали. Чашка упала. Коричневая жижа растеклась по столу, по бумагам, по сценарию разговора с женой чиновника. Я смотрела, как кофе заливает строчку «здесь дрогнувший голос» и думала: «Клавиатура. Ноутбук. Он же не влагозащищённый...»

Потом боль стала настоящей.

Не тупой. Не ноющей. Настоящей. Как будто кто-то засунул руку мне в грудь и сжал. Я упала со стула. Ударилась виском о край стола. На полу было холодно. Паркет. Дорогой паркет, который я выбирала два дня, потому что клиенты обращают внимание на пол. Теперь я лежала на нём щекой и думала: «Надо вызвать скорую». И сразу после: «Телефон на столе. Я не достану». И сразу после: «Созвон с Красноярском в шесть утра».

Последнее, что я увидела — мигающий экран ноутбука. Непрочитанные сообщения. Четырнадцать штук. Все — с пометкой «срочно». Все — от людей, которым я была нужна. Ни одного — от человека, которому была нужна я.

Я закрыла глаза.

И умерла.

Смерть оказалась разочаровывающей.

Никакого туннеля. Никакого света. Никаких голосов. Просто темнота, тишина и ощущение, что меня выключили, как ноутбук — без предупреждения, без корректного завершения работы, без сохранения данных.

А потом меня включили обратно.

И первое, что я почувствовала, — запах.

Не кофе. Не паркет. Не кондиционер «Тверской Плазы». Что-то другое. Тяжёлое, влажное, тошнотворное: сырой камень, прелая солома, человеческие экскременты и что-то ещё — металлическое, сладковатое, от чего сводило скулы.

Кровь. Это была кровь.

Я открыла глаза.

Темнота. Не полная — где-то справа мерцал огонёк, факел или свеча, слишком далеко, чтобы осветить что-то кроме каменных стен, покрытых чёрной плесенью. Я лежала на полу. Не на паркете — на камне. Холодном, мокром, неровном. Подо мной — солома, слежавшаяся и гнилая.

И руки. Мои руки были другими.

Это я поняла не сразу. Сначала — ощущение: слишком лёгкие, слишком тонкие, слишком длинные. Я подняла правую руку — и увидела чужие пальцы. Узкие, грязные, с обломанными ногтями и кольцевыми ссадинами на запястье. На запястье — грубый железный браслет. Кандалы.

Я лежала на полу темницы, в чужом теле, в кандалах.

Моя первая мысль — я сплю.

Моя вторая мысль — insult, повреждение мозга, галлюцинации.

Моя третья мысль — нет, галлюцинации не пахнут экскрементами.

Четвёртая мысль не пришла, потому что я начала задыхаться.

Паническая атака накрыла как цунами. Сердце — чужое, незнакомое сердце — заколотилось так, что я слышала его в ушах. Руки тряслись. Я хватала ртом воздух, но воздуха не было — только вонь, сырость и темнота.

Четырнадцать стражников у ворот. Восемь на стенах. Три минуты до смены караула.

Нет. Стоп. Это не те стены. Не тот город. Это...

Четырнадцать. Восемь. Три. Считай. Считай, Рита. Считай.

Я считала. Камни в стене — двадцать три в поле зрения. Прутья решётки — девять. Расстояние до факела — примерно четыре метра. Температура воздуха — градусов десять. Влажность — высокая, конденсат на стенах. Длина цепи — около метра, крепление к стене, вмурованное кольцо.

Дыхание выровнялось.

Хорошо. Хорошо. Новая вводная. Работаем.

Я села. Медленно, потому что тело не слушалось — не моё тело, чужое, слабое, болезненное. Голова кружилась. Во рту — привкус железа. Спина болела так, будто по ней прошли раскалённым прут. Я потянулась рукой за спину и нащупала — рубцы. Три параллельные линии, вздутые, горячие. Свежие.

Меня били.

Не меня. Её. Ту, чьё тело я занимаю.

Я огляделась. Камера — маленькая, три на два метра. Каменный пол, каменные стены, железная решётка вместо двери. За решёткой — коридор, другие камеры. В соседней — кто-то дышал. Тяжело, с хрипом. В дальней — кто-то тихо плакал.

Я прислушалась к плачу. Детский. Девочка.

Потом я прислушалась к другому. К звукам за коридором. Шаги — тяжёлые, неравномерные, слишком громкие для человеческих ног. Голоса — на языке, которого я не знала, гортанном, рычащем, с резкими согласными. И звук, который я не могла идентифицировать: что-то среднее между скрежетом металла и... рычанием?

Шаги приближались.

Я встала. Колени подогнулись, и я схватилась за стену, оставляя на камне грязный отпечаток чужой ладони. Цепь натянулась, звякнула. Звук эхом прокатился по коридору.

Плач в дальней камере затих. Мгновенно, как отрезало. Девочка замолчала не потому что перестала плакать, а потому что испугалась звука цепи.

Она знала, что означают шаги и звон металла.

Ничего хорошего.

К решётке подошёл стражник. Я увидела его и поняла три вещи одновременно.

Первое: это не человек.

Второе: это не галлюцинация.

Третье: мне нужен новый план.

Он был больше двух метров ростом. Зелёная кожа — не краска, не грим, а кожа, плотная, бугристая, как у ящерицы. Нижняя челюсть выдавалась вперёд, и из неё торчали два жёлтых клыка, каждый длиной с мой мизинец. Глаза — маленькие, глубоко посаженные, мутно-жёлтые. Доспех — железный, грубый, с вмятинами и пятнами ржавчины. В правой руке — связка ключей. В левой — плеть.

Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него.

Моя профессиональная часть — та, которая двадцать лет читала людей, — автоматически включилась. Прочитать его она не могла. Это был не человек. Но кое-что я увидела: усталость в глазах, механичность движений, привычка, рутина. Он не наслаждался властью над пленниками. Он работал. Это была смена. Он хотел, чтобы она закончилась.

Я это поняла, потому что у меня был точно такой же взгляд. Каждый день. В зеркале.

Он что-то сказал. Гортанный рык, в котором я не поняла ни слова.

Я молчала. Не из страха — из расчёта. Первое правило кризис-менеджера: если не знаешь обстановку — молчи и собирай информацию.

Он рыкнул громче. Ударил плетью по прутьям решётки. Звон. Искры. Из соседней камеры — хрип, шевеление, звон другой цепи. Кто-то встал. Кто-то застонал. Стражник рыкнул в ту сторону, потом снова на меня. Открыл замок. Потянул цепь.

Я пошла.

Не потому что хотела. Потому что цепь не оставляла выбора. Но я шла прямо. С прямой спиной, с поднятой головой. Привычка, вбитая десятью годами переговоров: никогда не входи в комнату, сутулясь.

Стражник это заметил. Повернулся, посмотрел на меня. Я поймала его взгляд — недоумение. Рабыня с прямой спиной. Аномалия.

Он дёрнул цепь. Сильно. Я упала на колени. Камень ударил по коленным чашечкам так, что из глаз посыпались искры. Стражник рыкнул что-то — и на этот раз я поняла интонацию. Не слова, но тон: «Не зарывайся».

Универсальный язык. На Тверской, в Кремле, в темнице — одинаковый.

Я встала. И снова выпрямила спину.

Он дёрнул цепь ещё раз. Я снова упала. Снова встала. Снова выпрямилась.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом фыркнул — и повёл дальше, не дёргая.

Первая маленькая победа.

Коридор вёл вверх — каменная лестница, узкая, винтовая, с факелами в железных кольцах через каждые десять ступеней. Я считала: двадцать ступеней, поворот. Ещё двадцать, поворот. Ещё двадцать. Итого — три этажа подземелья. Глубоко.

На каждом повороте — камеры. В большинстве — пусто. В некоторых — фигуры. Люди? Не люди. Существа. Скрюченные, тощие, с глазами, которые блестели в темноте, когда свет факела падал на них. Я не могла разглядеть детали, но чувствовала — они смотрят на меня. И в их взглядах — не любопытство. Безразличие. Привычка. Они видели это раньше. Они знали, куда ведут и зачем.

Мы вышли из подземелья.

Свет ударил по глазам — не солнечный, нет. Тусклый, красноватый, как закат сквозь дым. Я зажмурилась, потом открыла глаза и увидела...

Зал.

Огромный, как вокзал. Потолок терялся в темноте — где-то наверху мелькали тени, может быть летучие мыши, а может быть что-то другое, и я решила не приглядываться. Стены — чёрный камень, гладкий, отполированный, с прожилками чего-то багрового, что слабо пульсировало, как вены. По периметру — колонны, каждая толщиной с автомобиль, покрытые резьбой: фигуры с крыльями, когтями, хвостами. Не декоративные. Предупреждающие.

По обе стороны зала — существа. Стражники, как мой конвоир, только больше. Между ними — другие: пониже, серые, с длинными ушами и быстрыми глазками. И ещё — каменные. Трёхметровые глыбы, которые дышали.

Все смотрели на меня. Нет — мимо меня. На то, что было впереди.

Я посмотрела вперёд. И увидела Трон.

Пепельный Трон.

Он не был красивым. Не был величественным. Он был страшным. Грубо вырезанный из чёрного вулканического камня, покрытый слоем пепла — серого, мелкого, который шевелился от сквозняка, как живой. От него шёл жар — я чувствовала его даже с расстояния в двадцать метров. Как стоять перед открытой печью.

На Троне сидел тот, кого они называли Владыкой.

Первое впечатление: он не вписывался.

Среди зеленокожих громил и каменных гигантов он выглядел почти... человеком. Высокий, худощавый, в чёрном камзоле без украшений. Тёмные волосы до плеч, тронутые сединой на висках. Лицо — резкое, как рубленое, с тенями под глазами такими глубокими, что они казались синяками. На переносице — тонкий белый шрам.

Но глаза.

Глаза были нечеловеческие. Тёмно-серые, почти стальные, с мерцанием — как у хищника, который видит в темноте. Он смотрел на меня, и я физически почувствовала его взгляд. Как давление. Как гравитацию. Как будто воздух между нами стал плотнее.

Я остановилась. Стражник дёрнул цепь. Я не упала — ноги вросли в камень. Инстинкт, который я не контролировала: не двигайся, не дыши, не привлекай внимания. Ящерица перед ястребом. Мышь перед коброй.

Потом включился мозг.

Считай. Считай, Рита.

Зал — примерно сорок на двадцать метров. Стражников — двенадцать по периметру, четверо у Трона. Мелкие серые (гоблины? я ещё не знала слова) — штук двадцать, жмутся к стенам. Каменные гиганты — два, по обе стороны от Трона. И он. Один. На горячем камне. Без доспехов, без оружия в руках, без свиты.

Он не боялся.

Он не боялся ничего в этом зале. Ни стражников, ни каменных великанов, ни меня. Он сидел на Троне, который шипел от жара, и его лицо не выражало ничего. Ни злости, ни любопытства, ни скуки. Пустота. Выгоревшая, высохшая пустота человека — нет, не человека, существа — который слишком долго сидит на слишком горячем стуле.

Я знала этот взгляд.

Я видела его в зеркале. Каждый день. Десять лет.

Стражник толкнул меня в спину. Я вышла на середину зала. Цепь звякнула. Пепел на полу взвился маленьким облачком вокруг моих босых ног.

Он заговорил.

Тихо. Так тихо, что я едва расслышала. Но все в зале — все двенадцать стражников, все двадцать гоблинов, оба каменных великана — замерли. Как выключенные. Потому что его шёпот был громче их крика.

Я не поняла слов. Но я поняла интонацию. За двадцать лет в политике я научилась слышать то, что за словами. Усталость. Раздражение. И — глубоко, под всеми слоями — любопытство. Крошечное, почти мёртвое, но живое.

Он говорил обо мне. Спрашивал что-то у стражника. Стражник отвечал — громко, резко, вытянувшись. Доклад. Кивок на меня. Жест рукой — презрительный, отмахивающийся.

Я стояла и слушала язык, которого не знала, разговор, которого не понимала, посреди зала, который не мог существовать, в теле, которое мне не принадлежало.

И моя профессиональная часть — та, которая никогда не выключалась, даже когда я умирала на полу офиса, — уже работала.

Наблюдение первое: зал запущен. Камень потрескался, резьба на колоннах осыпается, два факела из двенадцати не горят. Никто не чинит. Нет денег или нет людей.

Наблюдение второе: стражники голодны. Я видела это по тому, как двое из них косились на кусок сырого мяса, который третий грыз в углу. Не «хочу перекусить», а «я не ел нормально давно». Их доспехи — ржавые, кривые, с дырами, залатанными верёвками.

Наблюдение третье: он устал. Не «плохо спал». Устал экзистенциально. Как генеральный директор компании, которая банкротится, который знает, что она банкротится, но не может уйти, потому что некуда.

Наблюдение четвёртое: его все боятся. Не уважают — именно боятся. Стражник, который докладывал, стоял навывтяжку, но его колени дрожали. Гоблины у стен жались друг к другу. Каменные великаны — те стояли спокойно, но и они держали дистанцию.

Наблюдение пятое: этот режим — ходячий труп. Нехватка ресурсов, голодная армия, разваливающаяся инфраструктура, лидер на грани выгорания, подданные, которые подчиняются только из страха. Я видела такое десятки раз. На Урале, в Сибири, в федеральных ведом-

ствах. Не в фэнтези-дворцах, а в реальных кабинетах реальных чиновников. И финал всегда один: крах. Быстрый, грязный, кровавый.

Вопрос не «свергнут ли». Вопрос — «когда».

Он замолчал. Повернул голову ко мне. Те самые глаза — серые, мерцающие, нечеловеческие — посмотрели в меня.

Не на меня. В меня.

Я физически почувствовала, как его взгляд проходит сквозь кожу, мышцы, кости и упирается во что-то внутри. Инстинкт кричал: «опусти глаза, уподи на колени, не смотри, не смотри, НЕ СМОТРИ».

Я не опустила.

Я смотрела на него, и он смотрел на меня, и между нами было двадцать метров пепла, камня и страха — и я думала: «Ты — мой клиент. Я ещё не знаю твоего языка. Не знаю твоего мира. Не знаю, почему я здесь. Но я знаю, что ты проигрываешь. Я вижу это по твоим глазам, по твоему залу, по твоей стране. И я знаю, как это исправить. Потому что это — единственное, что я умею».

Он наклонил голову. Чуть-чуть. Жест, который я не могла интерпретировать: любопытство? Угроза? Одобрение?

Потом он сказал что-то стражнику. Коротко. Одно слово.

Стражник дёрнулся. Посмотрел на меня. На него. Снова на меня. Рыкнул — и потащил меня прочь из зала.

Я оглянулась. Один раз.

Он всё ещё смотрел.

Меня бросили обратно в камеру. Цепь пристегнули. Стражник ушёл. Тишина.

Я села на солому. Прислонилась к стене. Закрыла глаза.

И начала работать.

Первое: язык. Без языка я — мебель. Нужно учить. Слушать, запоминать, анализировать. Я лингвист от слова «никакой», но я умею запоминать паттерны. Двадцать лет работы с текстами, речами, дебатами — мой мозг натренирован на структуру языка, даже если это язык орков.

Второе: статус. Я — рабыня. Самый низ. Хуже некуда. Это плохо для выживания, но хорошо для сбора информации. Рабынь не замечают. Рабыни — мебель. А мебель слышит всё.

Третье: цель. Мне нужно выжить. Для этого мне нужно стать полезной. Для этого мне нужно понять, что здесь происходит, и предложить решение. Это то, что я делаю. Это единственное, что я делаю. И я делаю это лучше всех.

Четвёртое: тот, на троне. Он — ключ. Если я хочу выбраться — мне нужен он. Его ресурсы, его власть, его... что бы это ни было, магия, сила, демонические способности. Мне нужно стать незаменимой для него. Как я становилась незаменимой для каждого клиента: не потому что они меня любили, а потому что без меня всё рушилось.

Я открыла глаза.

В дальней камере снова плакала девочка. Тихо, подавленно, глотая звуки, чтобы не услышали.

Я знала этот плач. Я была этим плачем. Двадцать пять лет назад, в хрущёвке на Урал-маше, я плакала точно так же. Тихо, в подушку, глотая звуки, чтобы мама не услышала и не расстроилась. Потому что мама и так расстроена. Потому что папа ушёл. Потому что денег нет. Потому что мир большой, страшный и несправедливый, и ты — маленькая, слабая, невидимая — ничего не можешь изменить.

А потом ты вырастаешь и меняешь. Не мир. Мир не меняется. Ты меняешь правила. Учишься читать людей. Учишься манипулировать. Учишься быть невидимой не из слабости, а из стратегии. Учишься превращать «ничего не могу» в «смотрите, что я могу».

Я подтянула колени к груди. Чужие колени, острые, костлявые. Чужое тело, слабое, битое, голодное. Чужой мир, полный монстров и магии.

Но мозг — мой. Опыт — мой. Двадцать лет кризисного менеджмента — мои.

— Окей, — сказала я вслух. По-русски. Голос — чужой, хриплый, тонкий.

Из соседней камеры кто-то прохрипел что-то в ответ. Я не поняла.

— Окей, — повторила я. — Новая вводная. Клиент — демон на троне. Ситуация — предбанкротное состояние. Ресурсы — ноль. Дедлайн — неизвестен. Начинаем.

Девочка в дальней камере перестала плакать.

Тишина.

Я положила голову на колени и сделала то, что делала всегда перед началом нового проекта.

Начала считать.

Глава 2. Активы и пассивы

Первую неделю я молчала.

Не потому что боялась. Боялась тоже, конечно, — просыпаться каждое утро в чужом теле, на гнилой соломе, в кандалах, под рычание существ, которые не должны существовать, — это, знаете ли, не способствует душевному равновесию. Но молчала я по другой причине.

Я слушала.

Двадцать лет назад, на первой стажировке в избирательном штабе, мой наставник — Борис Семёнович, шестидесятилетний волк с тремя инфарктами и двумя губернаторскими кампаниями за плечами — сказал мне фразу, которую я запомнила навсегда. Он сказал: «Ритка, когда приходишь на новый проект — первую неделю жри дерьмо и молчи. Слушай, смотри, запоминай. Кто с кем дружит, кто кого ненавидит, кто ворует, кто спит с чужой женой. Через неделю ты будешь знать больше, чем они за десять лет. Потому что они привыкли, а ты — свежие глаза».

Борис Семёнович умер через год после этого разговора. Третий инфаркт. На рабочем месте, разумеется. Как и я. Видимо, это профессиональное.

Но совет его работал всегда. Работал в Екатеринбурге, когда я разбирала конфликт между двумя кланами в городской думе. Работал в Москве, когда я за три дня нашла источник утечки в администрации федерального министра. Работал на Камчатке, когда губернатор нанял меня разобраться, почему его рейтинг падает, а я за неделю молчания выяснила, что его собственный пресс-секретарь сливает компромат оппозиции.

Здесь — тоже работал.

Распорядок дня в подземелье был прост.

Рассвет — рычание стражника, звон ключей, миска с чем-то серым. Это называлось «еда». По консистенции — размокшая штукатурка. По вкусу — я не хочу об этом думать. По питательности — достаточно, чтобы не умереть. Недостаточно, чтобы жить.

После еды — работа. Нас выводили наверх: меня, ещё семерых рабов из соседних камер и девочку из дальней. Работа — уборка. Полы, стены, лестницы. Камень, который нужно скрести щётками, пока руки не начнут кровоточить. Пепел, который нужно собирать и выносить. Грязь, которая появлялась снова, сколько ни скреби, потому что существа, которые здесь жили, имели другое отношение к гигиене.

Это мягко сказано.

Работа длилась до темноты. Потом — обратно в камеру. Миска с серой штукатуркой. Сон. Рассвет. Повтор.

Но я не работала. То есть — руки работали, колени работали, спина работала. Но я — слушала.

Язык.

Это было первое и главное. Без языка я — мебель, а мебель не предлагает сделки.

Язык оказался не один. Их было минимум три.

Первый — гортанный, рычащий, с резкими ударениями на последних слогах. Его использовали стражники-орки. Грамматика простая, как кувалда: подлежащее, сказуемое, дополнение. Никаких придаточных, никаких модальностей. «Я иду», «ты молчи», «еда здесь». Язык приказов, не дискуссий. Идеальный для армии. Бесполезный для политики.

Второй — быстрый, шипящий, со щелчками и присвистами. Гоблины. Они тараторили без остановки, и поймать отдельное слово было как ловить муху палочками для еды. Но я заметила паттерн: в их речи постоянно повторялись числительные. Они считали. Всё. Постоянно. Сколько мисок каши выдали, сколько щёток сломалось, сколько шагов от камеры до лестницы. Гоблины были бухгалтерами от рождения.

Третий язык я слышала реже. Он звучал иначе — медленнее, глубже, с длинными гласными и паузами. На нём говорили лорды, когда проходили мимо нас по коридорам. На нём говорил он — тот, на Троне. Демонический. Язык власти. Язык, который мне был нужен больше всего.

Я учила все три одновременно.

Метод был тот же, что и всегда: ассоциации, контекст, повторение. Стражник рычит «гракх» и показывает на дверь — «гракх» значит «дверь» или «иди туда» или «открой». Наблюдаю дальше: другой стражник рычит «гракх-та» и пинает пленника к выходу. «Та» — усилитель. «Гракх» — движение, не объект. «Гракх» — «двигайся». «Гракх-та» — «двигайся быстро». Логика.

К третьему дню я понимала простые команды.

К пятому — могла разобрать тему разговора между стражниками.

К седьмому — поняла, что империя Кайруса в гораздо худшем состоянии, чем я думала.

Стражники разговаривали при мне свободно. Рабыня — не человек, рабыня — швабра с ногами. Швабры не подслушивают.

Они ошибались.

Вот что я узнала за первую неделю, ползая по полу с щёткой и слушая орочьи разговоры, из которых понимала примерно каждое третье слово, достраивая остальное по контексту:

Казна пуста. Не «маловато денег» — пуста. Жалованье стражникам задерживали третий месяц. Еда — та самая серая каша — была одинаковой для рабов и для солдат. Разница только в размере порции. Солдатам давали полторы миски. Рабам — одну.

Армия деморализована. Дезертирство — не единичные случаи, а поток. Каждую неделю с северных застав уходили по десять-пятнадцать орков. Не к врагу — просто в леса, в горы, куда угодно, лишь бы подальше. Грош — имя генерала я услышала раз двадцать, всегда с интонацией «этот сумасшедший» — пытался их ловить и возвращать. Но ловить дезертиров нечем: те, кто ловит, тоже дезертируют.

Светлый Альянс готовит вторжение. Это знали все. Стражники обсуждали это как неизбежность — не «если», а «когда». Один из них, постарше, с рваным ухом и шрамом через всю морду, говорил, что «последний раз светлые приходили при прадеде Владыки и залили кровью всю долину». Второй, помоложе, отвечал, что в этот раз «заливать будет нечем — нашей кровью и зальют, потому что у нас даже мечей нормальных нет».

Лорды — ненадёжны. Это слово я выучила на четвёртый день: «грах-ниш» — буквально «те, кто точит нож за спиной». Стражники упоминали лордов только в этом контексте. Лорд Вальгрим «опять не заплатил дань». Лорд Кессар «собирает войско, непонятно зачем». Ашара — это имя произносили тише, с опаской — «привела демонов к южной границе и ждёт».

Ждёт чего — не уточнялось. Но я и так поняла. Ждёт, пока Кайрус ослабнет. Пока кто-нибудь бросит ему вызов. Пока можно будет забрать.

Всё это я записывала.

Не на бумаге — бумаги не было. Не углём на ткани — ткани тоже не было. В голове. Я строила карту: люди, связи, ресурсы, угрозы. Как всегда. Как на каждом проекте. Табличка в голове, столбцы «актив» и «пассив».

Активы: один Тёмный Властелин (сильный, но выгорающий). Армия (голодная, деморализованная). Территория (предположительно большая). Магические ресурсы (неизвестно). Население (предположительно разнообразное — орки, гоблины, тролли, демоны).

Пассивы: пустая казна. Дезертирство. Нелояльные лорды. Надвигающееся вторжение. Полное отсутствие дипломатии. Нулевой PR. И я — рабыня без магии, без статуса и без языка.

Баланс — отрицательный. Сильно отрицательный.

Но я видела и хуже. В 2019-м ко мне пришёл кандидат в губернаторы одного уральского региона. Рейтинг — три процента. Бюджет — ноль. Команда — жена и шурин. Конкурент —

действующий губернатор с административным ресурсом, бюджетом в сто миллионов и поддержкой Кремля. Я выиграла ту кампанию за четыре месяца. Не потому что мой кандидат был лучше. А потому что я нашла слабое место конкурента — и ударила.

Здесь тоже есть слабое место. Всегда есть. Нужно только найти.

Девочку звали Кира.

Я узнала это на третий день, когда нас вывели на уборку и она оказалась рядом со мной — маленькая, тощая, с огромными карими глазами на остром, грязном лице. Человеческая. Лет двенадцать, может, тринадцать — в этом мире, где все выглядели иначе, возраст было трудно определить. Волосы — обрезаны неровно, клочками. Одежда — мешок с дырками для рук. На запястьях — кандалы, слишком большие для её рук, они болтались и звенели при каждом движении.

Она работала молча. Быстро. Не поднимая глаз. Идеальная невидимость. Идеальная мышь.

Я знала эту технику. Я сама её изобрела в шесть лет.

На третий день я оказалась рядом с ней на лестнице — мы скребли ступени, стражник ушёл за угол. Тридцать секунд без надзора. Я сделала то, что не планировала, не рассчитывала и не включала ни в какую стратегию.

Я сказала:

— Как тебя зовут?

По-русски. Глупо — она же не понимает. Но я ещё не могла строить фразы на оркском, а демонический знала на уровне «да», «нет» и «Владыка».

Девочка подняла глаза. Быстро, воровато — и тут же опустила. Но за эту секунду я увидела: она удивлена. Не напугана — удивлена. Рабов не спрашивают, как их зовут.

Я показала на себя.

— Рита, — сказала я.

Пауза. Девочка посмотрела на меня снова. Дольше. Потом — шёпотом, почти без звука: — Кира.

Человеческое имя. Человеческий язык — не оркский, не демонический. Что-то среднее, с мягкими согласными и открытыми гласными.

Я кивнула. Она кивнула.

Стражник вернулся. Мы снова стали мебелью.

Но с того дня Кира держалась ближе ко мне. Не рядом — ближе. На расстоянии вытянутой руки. Как спутник на орбите — достаточно далеко, чтобы не привлекать внимания, достаточно близко, чтобы я могла её защитить.

Защитить. Смешное слово для рабыни в кандалах.

Но я его подумала. И почувствовала. Где-то под рёбрами — не в чужих рёбрах, а глубже, там, где, видимо, находилась я настоящая — что-то сжалось. Знакомое. Почти забытое. Чувство, которое я последний раз испытывала лет в пятнадцать, когда мама заболела и я поклялась себе, что вытащу нас из Уралмаша, чего бы это ни стоило.

Кира была слишком маленькой для этого мира.

Как я была слишком маленькой для своего.

На восьмой день я заговорила.

Не с Кирой. С гоблином.

Его звали Шних — или «Шник», как я расслышала, — маленький, метр двадцать, с ушами, торчащими в стороны, как спутниковые антенны, и носом, который двигался отдельно от лица, приносясь ко всему. Он приходил каждое утро считать рабов — буквально считать, тыкая пальцем: «один, два, три, четыре...» — и записывать в деревянную дощечку костяным стилусом. При этом он бормотал. Непрерывно. Бухгалтерию, жалобы на жизнь, числа, снова числа, снова жалобы.

Из его бормотания я выудила за неделю больше информации, чем из всех разговоров стражников вместе взятых. Потому что Шник бормотал цифры. А цифры — это язык, который я понимаю лучше любого другого.

Стоимость содержания одного раба в день: семь медных «грахов». Стоимость содержания одного солдата: двенадцать грахов. Количество рабов во дворце: сорок три. Количество солдат: триста одиннадцать. Количество лордов, которые задерживают дань: семь из двенадцати. Количество шахт, которые работают на полную мощность: одна из девяти. Количество троллей, которые «опять заснули и не проснулись второй месяц»: четырнадцать.

Вот с этого я и начала.

Утро восьмого дня. Шник пришёл считать. Тыкал пальцем: «один, два, три...» Дошёл до меня. Ткнул.

— Восемь, — сказала я.

По-гоблински. Слово, которое я слышала от него двадцать раз в день. «Хшик-та» — восемь.

Шник замер. Палец завис в воздухе. Уши — и без того стоявшие торчком — развернулись в мою сторону, как локаторы.

Я сказала:

— Восемь рабов. Сорок три — всего. Триста одиннадцать солдат.

Мой гоблинский был чудовищен. Я неправильно ставила ударения, путала шелчки, глотала присвисты. Но числа были правильными.

Шник моргнул. Один раз. Два. Три.

Потом его нос задвигался — быстро, нервно, как у кролика.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

Я поняла «откуда» и «знаешь». Остальное достроила.

— Слушаю, — сказала я. — Ты говоришь числа. Я слушаю.

Шник уставился на меня. Его глаза — огромные, влажные, болотного цвета — стали ещё больше. Он моргал. Часто. Потом — реже. Потом — совсем перестал.

— Ты... считаешь? — спросил он. Таким тоном, каким верующий спрашивает: «Ты видел Бога?»

— Считаю, — подтвердила я.

— Всё считаешь?

— Всё.

Пауза. Шник посмотрел на свою дощечку. На меня. На дощечку. На меня.

Потом он сделал нечто, чего я не ожидала.

Он сел рядом со мной на пол камеры. Прямо на грязный камень. Достал стилус. И начал показывать мне записи. Числа, столбцы, закорючки.

— Это — расход на зерно, — бормотал он, тыча стилусом. — Это — расход на оружие. Это — долг лорда Вальгрима. Не платит пятый год. Пятый! Ты понимаешь? Пятый год! А Владыке всё равно! Он не смотрит на числа! Никто не смотрит на числа! Я один! Один на всё! Сорок три раба, триста одиннадцать солдат, девять шахт, двенадцать лордов, и ни один — НИ ОДИН — не подаёт отчёт вовремя!

Он кричал. По гоблинским меркам — шептал, но интонация была крика. Годы разочарования, одиночества и обиды выливались из него потоком, и он не мог остановиться, потому что наконец — впервые, может быть, за всю его жизнь — кто-то слушал.

Я слушала. И запоминала.

К концу второй недели у меня была картина.

Не полная. С пробелами, допущениями, вопросительными знаками. Но картина. Карта местности. Расклад сил. Баланс — актив и пассив.

Вот что я знала:

Территория.

Тёмные Земли — Ноктуррис — занимали примерно четверть континента. Вулканическое плато на севере, плодородные долины в центре, пустоши на юге, подземные города на востоке. Территория огромная. Потенциал — колоссальный. Использование — катастрофическое.

Плодородные долины не обрабатывались. Не потому что земля плоха — потому что некому. Все молодые орки и гоблины — в армии или на шахтах. Остались старики и дети. Они выращивали то самое серое нечто, которым нас кормили: «кашру» — что-то вроде злаковой каши из растения, которое росло само, без ухода, без полива. Питательность — минимальная. Вкус — преступление.

Экономика.

У Ноктурриса были ресурсы. Серьёзные ресурсы. Магические кристаллы в восточных шахтах — я слышала, как стражники обсуждали их ценность: «один кристалл стоит столько, сколько вся наша казна». Железная руда. Драконья кость — невероятно прочный материал для оружия и строительства. Вулканический камень, из которого был сложен весь дворец.

Но вся эта добыча шла мимо казны. Лорды контролировали шахты. Лорды забирали добычу. Лорды платили «дань» Владыке — когда хотели и сколько хотели. Никакого учёта, никакого контроля, никакой отчётности. Шник вёл бухгалтерию в одиночку, на деревянных дощечках, и хватался за голову, потому что цифры никогда не сходились.

Это не экономика. Это феодальный рэкёт.

Армия.

Триста одиннадцать солдат в столице. По словам стражников — ещё около пяти тысяч на заставах, но «половина из них давно разбежалась, а вторая половина — собирается». Вооружение — ржавое. Снабжение — «кашру» два раза в день. Мотивация — страх перед Владыкой. Стратегия — «стоять и умереть, когда скажут».

Против Светлого Альянса, у которого — я подслушала из разговора двух лордов, проходивших по коридору, — пятьдесят тысяч воинов в сияющих доспехах, с магической поддержкой, с осадными машинами и с «благословением Церкви Света», которое, судя по всему, было не метафорой, а реальным магическим усилением.

Пять тысяч голодных орков с ржавыми мечами против пятидесяти тысяч сытых рыцарей с магией.

Я бы сказала «без шансов», но я видела и хуже. Я выигрывала выборы с трёхпроцентным рейтингом. Но даже я понимала: тут нужно что-то принципиально другое.

Политика.

Двенадцать лордов. Семеро — не платят дань. Трое — открыто саботируют приказы Владыки. Двое — «собирают войско». Один — Ашара, «Королева Клинков», — ждала. Тактически безупречная позиция: не воевать с Кайрусом, не помогать Кайрусу, просто ждать, пока он рухнет, и подобрать корону.

Я бы на её месте делала то же самое.

Владыка.

Кайрус Дрейвон. Триста двенадцать лет. Полудемон. Самый сильный боец Ноктурриса. Сидит на Пепельном Троне, потому что никто не смог его оттуда снять — сорок семь вызовов за три века, сорок семь трупов.

И при этом — его империя разваливается.

Почему? Потому что он — воин, а не правитель. Он умеет убивать. Не умеет управлять. Он решает проблемы кулаком: лорд не платит — пригрозить. Лорд бунтует — убить. Крестьяне голодают — не его проблема, они должны сами. Шахты истощаются — открыть новую. Армия дезертирует — поймать и казнить.

Реактивное управление. Тушение пожаров. Ноль стратегии. Ноль системы. Ноль делегирования.

Я видела это сотни раз. Губернатор, который лично решает, где поставить скамейку в парке, и удивляется, почему регион в руинах. Генеральный директор, который проверяет каждый счёт на оплату и не замечает, что компания потеряла тридцать процентов рынка. Человек, который не может отпустить контроль, потому что не доверяет никому.

Кайрус не доверял никому. Триста лет. Ни одному существу. И поэтому он делал всё сам — а всё, что не мог сделать сам, не делалось.

Это было его слабое место.

И моя точка входа.

К концу второй недели я знала ещё кое-что.

Быт.

Мир демонов, орков и гоблинов — это не мир людей в масках. Это я поняла на третий день, когда увидела, как стражник-орк ест.

Сырое мясо. С кости. Когтями, зубами, бивнями. Рвал, хрустел, глотал. Кровь текла по подбородку на доспехи. Он не вытирал. Зачем? Для орка кровь — это как для нас соус. Естественная часть процесса.

Рядом с ним сидел второй стражник. Стоя. Орки не садятся за еду. Они едят на ногах, сгорбившись, защищая миску телом — инстинкт, вбитый в ДНК тысячелетиями: если сядешь, отнимут. Даже здесь, во дворце, где еды хватало — ну, почти хватало, — они ели так, будто в любую секунду кто-то вырвет кусок из рук.

Когда второй стражник закончил, он рыгнул. Громко, протяжно, с вибрацией, от которой задрожала решётка моей камеры. Первый стражник кивнул — одобительно.

Это был комплимент. Рыгание — «спасибо за еду, было вкусно». Не рыгнуть — оскорбление.

Я записала это в голове: «Рыгание = благодарность. Запомнить. Не путать».

Потом я увидела, как они здороваются.

Смена караула. Один стражник уходил, другой приходил. Входящий остановился перед уходящим, оскалился — обнажил все зубы, включая бивни, — и рыкнул. Уходящий оскалился в ответ. Рыкнул. Они постояли так секунду — два оскаленных монстра, каждый из которых мог бы разорвать меня одной рукой — и разошлись.

Не рукопожатие. Не кивок. Оскал. Показ клыков. «Я — сила, и я тебя уважаю. Ты — сила, и ты меня уважаешь. Мы друг друга не убьём. Сегодня».

Я записала: «Оскал = приветствие. Зубы = статус. Больше зубов = больше уважение».

Потом — гоблины. С ними было ещё интереснее.

Шник ел при мне на второй день нашего «сотрудничества». Он достал из-за пазухи мешочек и вытряс на ладонь горсть... жуков. Сушёных, хрустящих, с лапками. Начал жевать — быстро, сосредоточенно, как белка.

Я не отвела взгляд. Хотела — но не отвела. Потому что если я хочу, чтобы он доверял мне, — я должна принять его полностью. Включая жуков.

— Хочешь? — спросил он, протянув горсть.

Я посмотрела на жуков. Жуки смотрели на меня. У одного шевелилась лапка — не совсем сушёный.

— Спасибо, — сказала я. — Позже.

«Позже» на гоблинском означало примерно «никогда, но я слишком вежлива, чтобы сказать нет». К счастью, Шник не уловил оттенок.

Но по-настоящему я поняла, что я не в мире людей, на пятый день.

Пятый день. Уборка тронного зала. Я скребла пол у основания колонны — работа безмозглая, механическая, идеальная для наблюдения.

Два демона-лорда прошли мимо. Высокие, худощавые, тёмнокожие — не как Кайрус, темнее, с красноватым отливом. У одного — золотые глаза с вертикальными зрачками, как у кошки. У второго — рога. Небольшие, загнутые назад, тёмные.

Они остановились у окна. Заговорили — на демоническом, тихо, но я была достаточно близко. Разговор — деловой, сухой. Что-то о южных границах, о торговых путях, о «Светлых». Потом один сказал что-то, что я не поняла — слово, которое не слышала раньше. Второй наклонил голову и обнажил шею.

Обнажил шею.

Я замерла. Щётка остановилась.

Потому что обнажение шеи — это не жест. Это послание. Шея демона — самое уязвимое место, где проходят артерии, питающие демоническое ядро. Показать шею — значит сказать: «Я доверяю тебе настолько, что подставляю слабость. Не ударь».

Первый демон коснулся шеи второго кончиками пальцев. Легко. Как перо. Второй закрыл глаза.

Это был не дипломатический жест. Это было интимно. Настолько интимно, что я почувствовала себя вуайеристкой. Я отвернулась, сердце стучало. Не от страха. От понимания.

Этот мир — другой. Не «странный». Не «примитивный». Другой. С другими правилами, другими телами, другими инстинктами. И если я хочу здесь выжить — мне нужно не просто выучить эти правила. Мне нужно их принять.

Я записала: «Шея = доверие. Абсолютное. Не касаться без приглашения. Никогда».

И подумала: а каково это — жить в мире, где прикосновение к шее значит больше, чем слова «я тебя люблю»?

И сразу после: а каково ему — тому, на Троне — жить в таком мире триста лет, и чтобы никто не коснулся его шеи? Ни разу?

Двенадцатый день. Вечер. Камера.

Кира сидела у решётки между нашими камерами. Мы не могли дотронуться — слишком далеко, — но могли видеть друг друга. Она сидела, обняв колени, и молча смотрела, как я рисую пальцем на пыльном полу.

Я рисовала таблицу. Столбцы: население, ресурсы, армия, казна, лорды. Строки: текущее состояние, желаемое состояние, необходимые действия. Пальцем по пыли — мой аналог презентации в PowerPoint.

Кира смотрела. Потом спросила — тихо, на том языке, который был почти человеческим: — Что ты делаешь?

Я подняла голову. Посмотрела на неё. Маленькая, грязная, с глазами, которые видели слишком много для двенадцати лет.

— Считаю, — сказала я.

— Что считаешь?

— Сколько всего нужно исправить, чтобы мы выжили.

Кира помолчала. Потом:

— Много?

Я посмотрела на свою таблицу. Пыль на камне. Столбцы и строки. Минусы в каждой клетке.

— Много, — сказала я.

— Ты сможешь?

Я посмотрела на неё. На её руки — тонкие, в ссадинах, с кандалами, которые болтались на запястьях. На её глаза — огромные, тёмные, ждущие.

В моей прошлой жизни мне задавали этот вопрос сотни раз. Клиенты, партнёры, подчинённые. «Рита, ты сможешь?» И я всегда отвечала одинаково: «Разумеется. Это моя работа».

Уверенно, спокойно, без сомнений. Потому что сомнения — роскошь, которую я не могла себе позволить.

Но Кира — не клиент. И я — не в офисе на Тверской.

— Не знаю, — сказала я честно. — Но я попробую.

Кира кивнула. Серьёзно, по-взрослому. Как будто «попробую» — достаточно. Как будто в этом мире, где никто ничего не обещает рабам, попытка — уже подвиг.

Тринадцатый день. Утро.

Шник пришёл считать рабов. Ткнул пальцем: один, два, три...

Дошёл до меня. Остановился. Посмотрел с тем выражением, которое я уже научилась узнавать: «у меня есть информация, и я лопну, если не скажу».

— Владыка, — прошептал он, — вызывает рабов. На аудиенцию. Отбирает для работы в верхних залах. Тебя — тоже.

Он моргал. Быстро, нервно. Врёт? Нет, не врёт — боится. Моргание гоблинов — ложь, но быстрое моргание — страх. Я уже научилась различать.

— Когда? — спросила я.

— Сейчас.

Я встала. Отряхнула руки. Посмотрела на свою таблицу в пыли — столбцы и строки, минусы в каждой клетке. Стёрла ногой. Информация — в голове. Всегда в голове.

Потом посмотрела на Киру. Девочка сидела в своей камере, обняв колени. Смотрела на меня.

— Кира, — сказала я. — Если всё пойдёт по плану — вечером мы будем спать не здесь.

— А если не по плану?

Я подумала секунду.

— Тогда тоже не здесь. Но в другом смысле.

Она не улыбнулась. Но её глаза изменились. Что-то в них появилось — не надежда, нет. Ещё рано для надежды. Скорее — внимание. Готовность смотреть. Мышь, которая перестала прятаться и начала наблюдать.

Хорошо.

Стражник открыл решётку. Я вышла. Прямая спина, поднятая голова, чужое тело, которое уже чуть-чуть начинало слушаться.

Тринадцать дней молчания. Тринадцать дней наблюдений. Тринадцать дней цифр, запахов, оскалов и сырого мяса.

Хватит.

Пора выходить на сцену.

Нас выстроили в тронном зале — восемь рабов в ряд, как товар на полке. Я стояла третьей слева. Кира — не здесь, она осталась в камере, слишком маленькая для отбора. Это хорошо. Ей не нужно это видеть.

Он сидел на Троне. Тот же камзол. Те же тени под глазами. Тот же шрам на переносице. Тот же взгляд — тяжёлый, серый, мерцающий.

Рядом с ним — два существа. Одно — огромный орк в доспехах, с топором за спиной и лицом, которое выглядело так, будто его несколько раз ломали и складывали обратно, каждый раз — неправильно. Генерал Грош. Я узнала его по описаниям стражников: «шрам через левый глаз, половина уха откушена, топор — именно, с гравировкой». Гравировка, по слухам, гласила: «Грош убивает» — краткость, достойная орка.

Второе существо — парило. Буквально. В полуметре от пола, в тёмной мантии, из-под капюшона которой виднелся... череп. Пустые глазницы, в которых горели два огонька — тусклых, зеленоватых, как болотные огни. Скелет. Летающий скелет в мантии.

Лич Мортиус. Канцлер. Советник. Тысяча лет. Я слышала о нём от Шника: «Он помнит прадеда Владыки, но забывает, что ел вчера. Впрочем, он мертвец — он не ест. Это экономия».

Грош шёл вдоль строя рабов. Останавливался перед каждым. Смотрел. Рычал. Тыкал пальцем: «этот — на кухню», «этот — в шахту», «этот —дохлый, убрать».

«Дохлаый, убрать» — это о рабе, который стоял пятым. Худой, трясущийся, с остекленевшими глазами. Он не протянет неделю. Грош увидел это за секунду — опытный глаз, привыкший оценивать мясо, живое и мёртвое.

Очередь дошла до меня.

Грош остановился. Посмотрел. Сверху вниз — он был вдвое выше. Его глаза — мутно-жёлтые, маленькие, глубокие — скользнули по мне оценивающе: рост, вес, мышечная масса, пригодность к труду.

Он фыркнул. Презрительно.

— Кости, — сказал он. По-орски. — Тощая. Ничего не поднимет. На кухню, пусть скребёт.

Он пошёл дальше.

И я открыла рот.

— Девять шахт, — сказала я.

Грош остановился. Медленно. Как танк, у которого заклинило гусеницу.

— Девять шахт, — повторила я. Громче. На демоническом — медленно, коряво, с акцентом, от которого, вероятно, у каждого демона в зале свернулись бы уши, если бы у них были уши. — Одна работает. Восемь стоят. Дань платят пять лордов из двенадцати. Армия — пять тысяч. Дезертирство — триста за последний сезон. Казна пуста. Запасов продовольствия — на два месяца. Светлый Альянс — пятьдесят тысяч воинов. Вторжение — через полгода, может раньше. Шансы Ноктурриса при текущих показателях — ноль.

Тишина.

Абсолютная. Полная. Такая тишина, что я слышала, как пепел шуршит на Троне.

Грош стоял ко мне спиной. Не поворачивался. Его плечи — огромные, покрытые ржавым железом — напряглись.

Мортиус перестал парить и опустился на полметра. Огоньки в его глазницах мигнули.

И он — Кайрус — подался вперёд. Впервые за всё время, что я его видела. Чуть-чуть. На сантиметр. Но в этом зале, где все замерли, этот сантиметр был громче грома.

Его глаза — серые, стальные, мерцающие — смотрели на меня. И в них было то, что я заметила тринадцать дней назад: любопытство. Крошечное. Почти мёртвое.

Но живое.

Я сделала вдох. Чужие лёгкие, чужое горло, чужой голос — но мои слова.

— Я не умею поднимать тяжести, — сказала я. — Не умею драться. Не умею колдовать. Но я умею считать. И я знаю, как сделать так, чтобы ваша империя не рухнула до того, как придут Светлые.

Пауза.

Грош повернулся. Уставился на меня так, будто корова заговорила. С его точки зрения — так и было.

Мортиус произнёс что-то на демоническом — слишком быстро, я не разобрала. По тону — возмущение. «Как смеет рабыня», «казнить немедленно», что-то в этом роде. Классическая реакция старого аппаратчика на молодую выскочку. Видела тысячу раз.

Но Кайрус не слушал Мортиуса.

Он смотрел на меня.

И потом он сделал то, чего никто в зале не ожидал. Он произнёс одно слово. Тихо. Шёпот, от которого все — стражники, гоблины, каменные великаны — пригнулись.

Одно слово.

— Говори.

Глава 3. Сделка с демоном

Говори.

Одно слово. Тихое, как шелест пепла. И весь зал — двенадцать стражников, двадцать гоблинов, два каменных великана, один летающий мертвец и один генерал с именным топором — замер так, будто кто-то нажал кнопку «пауза».

Я стояла босиком на холодном камне, в рваном мешке вместо одежды, с кандалами на запястьях и тремя рубцами от кнута на спине. Грязная, тощая, с чужим лицом и чужим телом. Перед существом, которое могло убить меня взглядом.

И я подумала: «Окей, Рита. Это твоя презентация. У тебя нет слайдов, нет костюма, нет кофемашины за сто двадцать тысяч. Зато есть две недели наблюдений, чужой язык на уровне трёхлетнего ребёнка и примерно три минуты, прежде чем кто-нибудь решит тебя убить».

Работаем.

— У вас, — начала я, — проблема.

Мой демонический был чудовищен. Я знала это. Каждое слово давалось как камень, который нужно вытолкнуть из горла. Длинные гласные, которые я не умела тянуть правильно. Паузы, которые в демоническом языке означали уважение, а в моём исполнении — просто забытое слово.

Но содержание было безупречным.

— Не одна проблема, — продолжила я. — Много. Вы проигрываете войну, которая ещё не началась. Не потому что враг силен. А потому что вы слабы. Изнутри.

Мортиус зашипел. Буквально — зашипел, как змея, и огоньки в его глазницах вспыхнули ярче.

— Владыка! — Его голос был скрежетом ржавого железа по камню. — Эта... тварь... оскорбляет вас! Прикажите — и я...

— Мортиус, — сказал Кайрус.

Одно слово. Мортиус замолчал. Мгновенно, будто ему перерезали нитки. Висел в воздухе, колыхался, и огоньки в его глазницах гасли и разгорались, гасли и разгорались — раздражённое мерцание обиженного мертвеца.

Кайрус смотрел на меня. Лицо — камень. Глаза — сталь. Ничего — ни злости, ни интереса, ни скуки. Или всё сразу, спрятанное так глубоко, что я не могла прочитать.

Нет. Могла. Одна деталь. Пальцы его правой руки — длинные, со шрамами — чуть сжались на подлокотнике Трона. Микрожест. Напряжение. Он слушал. По-настоящему слушал, а не ждал, пока я замолчу.

Это был мой шанс. И я не собиралась его упускать.

— Ваша казна пуста, — сказала я. — Семь из двенадцати лордов не платят дань. Вы это знаете. Вы не можете их заставить, потому что если пойдёте войной на своих лордов — ослабите армию, и Светлый Альянс ударит в этот момент. Если не пойдёте — они продолжают не платить, и через два месяца вам нечем будет кормить солдат. Ловушка. Так?

Пауза. Кайрус не ответил. Но пальцы на подлокотнике сжались сильнее.

— Ваши шахты стоят, — продолжила я. — Девять месторождений. Работает одно. Остальные либо заброшены, либо контролируются лордами, которые добывают для себя и плевать хотели на вашу казну. При этом у вас — магические кристаллы, железная руда, драконья кость. Ресурсы, за которые Светлый Альянс готов начать войну. У вас есть богатство. Вы просто не можете до него добраться.

Грош, который до этого стоял неподвижно, как зеленокожий столб, медленно повернул голову. Посмотрел на Кайруса. Потом на меня. Потом снова на Кайруса. Его единственный

целый глаз — мутно-жёлтый — выражал то, что на человеческом лице было бы называлось «какого хрена?».

Я не останавливалась. Три минуты. У меня было три минуты, может меньше.

— Ваша армия голодает. Дезертирство — триста человек за сезон. Это не трусость — это рациональное решение: зачем умирать за владыку, который не может тебя прокормить? Ваши солдаты не предатели. Они просто голодные. А голодные солдаты не воюют — они разбегаются.

Грош зарычал. Тихо, утробно, как двигатель, который завели в холодном гараже. Я поняла: он злился. Не на меня — на правду. Потому что он знал, что я права. Он видел это каждый день — своих солдат, которые уходят, которых нечем кормить, нечем вооружить. И он ничего не мог сделать. Потому что генерал командует мечами, а не казней.

— Светлый Альянс придёт через полгода, — сказала я. — Может, раньше. Пятьдесят тысяч. Магическая поддержка. Осадные машины. И — самое важное — пропаганда. Они убедили половину континента, что вы — чудовище, которое пожирает младенцев. Это не так. Но это неважно. Важно то, во что верят люди. А люди верят, что вы — зло. И когда Альянс начнёт вторжение, никто не встанет на вашу сторону. Ни нейтральные королевства, ни торговые гильдии, ни даже ваши собственные лорды — потому что проще сдаться победителю, чем умереть за проигравшего.

Я замолчала. Не потому что закончила — потому что у меня пересохло в горле. Чужое горло, непривычное к долгим речам на чужом языке.

Тишина.

Мортиус парил и мерцал. Грош стоял и рычал. Стражники у стен переглядывались — быстро, воровато, как дети, которые подслушали ссору родителей.

Кайрус сидел на Троне — неподвижный, как вырезанный из того же камня. И молчал.

Потом он заговорил.

— Ты считала.

Не вопрос. Констатация. Его голос — низкий, ровный, без эмоций. Но под голосом — что-то шевельнулось. Тень. Тень чего-то, что он давно не чувствовал.

— Да, — сказала я.

— Две недели.

— Тринадцать дней.

— Ты молчала тринадцать дней. И слушала.

— Да.

Пауза. Он наклонил голову — чуть-чуть, на градус. Жест, который я видела у него в первый день. Тогда я не поняла. Теперь — почти понимала. Не одобрение. Не угроза. Оценка. Он смотрел на меня так, как я смотрела на проект, который казался безнадежным, но в котором что-то мелькнуло. Искра. Зацепка. Может быть.

— Кто ты? — спросил он.

Простой вопрос. Сложный ответ.

Я могла соврать. Придумать легенду — заточённая принцесса, беглая волшебница, путешественница из далёких земель. Любая из этих историй звучала бы нормальнее, чем правда.

Но демоны не могут лгать напрямую — дым из ноздрей, я это знала. И хотя я не демон, — инстинкт подсказывал: этот конкретный демон почувствует ложь. Не магически. Просто — триста лет в окружении существ, которые хотят тебя убить, отлично тренируют чуйку.

Значит, правда. Или — часть правды.

— Я не из этого мира, — сказала я.

Тишина стала плотнее. Мортиус перестал мерцать. Грош перестал рычать.

— В моём мире нет магии. Нет демонов. Нет орков. Есть... другое. Я занималась тем, что спасала тех, кого нельзя спасти. Правителей, чьи земли разваливались. Людей, чья репутация

была уничтожена. Организации, которые стояли на краю пропасти. Я умею это делать. Это единственное, что я умею.

— И ты думаешь, что можешь... спасти... меня?

Последние два слова он произнёс с интонацией, от которой у меня по спине — по чужой спине, по рубцам от кнута — пробежал холод. Не злость. Не насмешка. Усталость. Такая глубокая, такая старая, что она казалась геологической. Усталость существа, которое триста лет держит на плечах мир и знает, что мир рухнет. Знает, что он рухнет. И уже почти не сопротивляется.

Я узнала эту усталость. Я слышала её. В своём собственном голосе, за полгода до инфаркта, когда очередной клиент спрашивал: «Рита, ты справишься?» — и я отвечала «разумеется», и мы оба знали, что это ложь.

— Не вас, — сказала я. — Вашу империю. Вас спасать не нужно. Вы — сильнейший демон на этом континенте. Вы убили сорок семь претендентов на Трон. Вам лично ничего не грозит.

Пауза. Его глаза сузились. На миллиметр. Я заметила, потому что смотрела. Две недели я изучала это лицо — издали, мельком, украдкой. Каждую морщину, каждый жест, каждое микродвижение. И вот — сужение глаз. Он удивлён. Не потому что я знаю про сорок семь вызовов — это знают все. А потому что я сказала «вам лично ничего не грозит». Потому что это — комплимент. Тонкий, замаскированный под констатацию, но — комплимент. И он это понял.

Хорошо. Значит, он не дурак. С дураками работать проще, но результат хуже.

— Грозит — вашей империи, — продолжила я. — Вашим подданным. Вашим землям. Всему, что вы удерживали триста лет. Не потому что вы слабы. А потому что вы один. Один демон не может быть одновременно и воином, и казначеем, и дипломатом, и судьёй, и стратегом. Никто не может. И поэтому вы тушите пожары — один за другим, один за другим — и не замечаете, что дом горит целиком.

Мортиус не выдержал.

— ВЛАДЫКА! — Его голос взвился под потолок, как крик ржавой воробны. — Эта ничтожная тварь смеет говорить вам, что вы...

— Мортиус, — сказал Кайрус. Тем же тоном. Тем же шёпотом.

Мортиус замолчал. Но на этот раз — не сразу. На полсекунды позже. Это было неповиновение — микроскопическое, почти незаметное, но настоящее. Мортиус злился. И его лояльность — тысячелетняя, безусловная — трещала.

Я заметила. Кайрус — тоже.

Он посмотрел на Мортиуса. Долгий, тяжёлый взгляд. Мортиус опустил на три сантиметра — демоническая версия «простите, погорячился». Огоньки в глазницах потускнели.

Кайрус снова повернулся ко мне.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, ты видишь то, что говоришь. Допустим, ты умеешь то, что заявляешь. Что ты хочешь?

Вот он. Момент. Развилка, за которой — либо контракт, либо казнь.

— Сделку, — сказала я.

Грош хрюкнул. Мортиус задрожал. Кто-то из стражников у стены уронил копьё.

Рабыня. Предлагает. Сделку. Тёмному. Властелину.

В их мире это было настолько за гранью, что у них не было слова для описания этой степени наглости. Как если бы табуретка предложила плотнику партнёрство.

Кайрус не шевельнулся. Его лицо — камень. Его глаза — сталь. Но пальцы на подлокотнике разжались. Он расслабился. На долю секунды — но расслабился.

Это значило: ему интересно. По-настоящему интересно, впервые за долгое время.

— Продолжай, — сказал он.

— Я сделаю три вещи, — сказала я. — Первое: наполню вашу казну. Не магией — системой. Налоги, учёт, контроль расходов. То, чего у вас нет и никогда не было. Второе: остановлю дезертирство и подниму боеспособность армии. Не мечом — мотивацией. Ваши солдаты бегут не от страха, а от голода и бессмысленности. Дайте им еду и причину воевать — и они будут драться до последнего. Третье: я переиграю Светлый Альянс. Не на поле боя — в головах. Их главное оружие — не армия. Их главное оружие — вера. Половина континента верит, что вы — зло. Я изменю это.

— За какой срок?

— Полгода.

— А взамен?

Вот она. Цена. В политике цена — всегда главное. Не «что ты сделаешь», а «что ты хочешь за это».

Я могла попросить свободу. Могла попросить золото. Могла попросить безопасность. Любой разумный раб попросил бы что-то для себя.

Но я — не разумный раб. Я — кризис-менеджер. И я знала правило, которое работало всегда, в любом мире: проси то, что человек может дать, не потеряв лицо.

Свобода? Он не может освободить рабыню перед всем двором — это покажет слабость.

Золото? У него нет золота. Казна пуста.

Безопасность? Он не может гарантировать безопасность в мире, где его собственная безопасность — под вопросом.

Оставался один вариант.

— Мне нужны полномочия, — сказала я. — Доступ к вашей казне, к вашим данным, к вашим лордам. Право говорить от вашего имени. Право отдавать приказы от вашего имени. Не рабыня. Советница.

Тишина.

Потом — звук.

Смех.

Грош засмеялся. Утробный, хриплый, громкий рёв, от которого задрожали стены. Я знала: смех орка — агрессия. Он не смеялся от радости. Он смеялся от абсурда. Рабыня просит стать советницей Тёмного Властелина. Это было настолько нелепо, что его единственной реакцией была ярость, выраженная через хохот.

Мортиус не смеялся. Мортиус шипел — непрерывно, как чайник на огне, — и его костяные пальцы скрючились в жестах, которые, вероятно, означали древнее проклятие. Или непристойность. Или и то и другое.

Стражники у стен переглядывались. Гоблины — моргали (все одновременно, синхронно, как рождественская гирлянда).

Но Кайрус не смеялся.

Он смотрел на меня. И я видела — за камнем его лица, за сталью его глаз, за тремьями годами усталости — расчёт. Он думал. Взвешивал. Оценивал.

Это был взгляд существа, которое привыкло принимать решения, от которых зависят тысячи жизней. Не импульсивно — методично. И мне стало легче, потому что методичность я умела читать, а импульсивность — нет.

— Советница, — произнёс он. Попробовал слово на вкус. Как будто жевал незнакомую еду и решал — проглотить или выплюнуть. — Ты — рабыня. Человек. Женщина. Без магии. Без крови. Без ничего. И ты хочешь стать советницей Владыки Ноктурриса.

— Да, — сказала я.

— Почему я должен тебе верить?

— Не должны. Проверьте.

Пауза. Его голова наклонилась — тот самый жест, на один градус.

— Проверить, — повторил он.

— Дайте мне одну задачу. Одну проблему. Самую сложную, самую безнадёжную, ту, которую вы не можете решить. Если я справлюсь — мы заключаем сделку. Если нет — я возвращаюсь в камеру. Вы ничего не теряете.

Это был приём, который я использовала десятки раз. «Бесплатная проба». Снимает риск с клиента, переносит на исполнителя. Клиент чувствует, что контролирует ситуацию. Исполнитель чувствует давление — но давление мотивирует. По крайней мере, меня.

Кайрус молчал. Секунду. Две. Три. Пять.

Потом он повернулся к Грошу.

— Грош.

Генерал перестал смеяться. Мгновенно, как захлопнулась дверь. Встал прямо, подбородок вверх, кулак к груди — демоническое приветствие подчинённого.

— Владыка.

— Шахтёрский город. Брух. Что там?

Грош помрачнел. Его и без того тяжёлое лицо стало ещё тяжелее — как если бы гравитация в комнате удвоилась.

— Бунт, Владыка. Третья неделя. Шахтёры отказываются работать. Надзиратель... — он замялся, — ...не справляется.

— Почему?

— Они говорят, что надзиратель ворует. Забирает половину добычи себе. Их доля — остаток, которого не хватает на еду. Они требуют нового надзирателя или... — пауза, — ...смерти.

— Чьей?

— Своей. Говорят, что лучше умереть, чем работать за ничего.

Кайрус посмотрел на меня. Тот же взгляд — оценка, расчёт, ни грамма эмоций на поверхности.

— Шахтёрский город Брух, — сказал он. — Бунт. Три недели. Мои генералы предлагают вырезать зачинщиков. Мой канцлер предлагает поднять мертвецов и заменить живых шахтёров на мёртвых. Живые — бунтуют. Мёртвые — нет.

Мортиус кивнул. Энергично. Череп щёлкнул.

— Отличное решение! — вставил он. — Эффективное! Проверенное временем! При вашем прадеде я поднимал целые...

— Мортиус.

Мортиус замолчал.

Кайрус снова смотрел на меня.

— Реши это, — сказал он. — Без мечей. Без мертвецов. Без крови. Если сможешь — будет разговор. Если нет — камера.

— Мне нужен доступ в Брух, — сказала я. — Снять кандалы. И кто-то, кто знает местный язык и будет переводить.

— Кандалы останутся, — сказал Кайрус.

— Тогда шахтёры увидят рабыню, а не советницу. И не будут слушать.

— Они увидят то, что есть. Ты — рабыня. Пока.

Пока. Это слово повисло в воздухе, как запах серы после грозы. Пока. Не «навсегда». Пока.

Я кивнула. Не из согласия — из тактики. Спорить сейчас — потерять всё. Принять условия — сохранить шанс.

— Мне нужен переводчик.

— Шник, — сказал Кайрус.

Где-то за спинами стражников раздался писк. Гоблин-казначей вынырнул из-за колонны, где прятался, и замер, как суслик перед ястребом. Глаза огромные. Уши торчком. Нос — отчаянно двигается.

— В-Владыка? — промямлил он.

— Поедешь с ней в Брух. Будешь переводить.

— Но... но я... казначей... я считаю... я не... переводить?!

— Шник.

Шник вздрогнул. Кивнул. Часто-часто, как болванчик.

— Понял, Владыка. Переводить. Еду. Считаю и перевожу. Одновременно. Могу. Наверное. Скорее всего. Шестьдесят процентов вероятности. Может, пятьдесят два. Нет, сорок семь. Нет...

— Шник.

— Еду!

Кайрус повернулся ко мне. Последний взгляд — долгий, тяжёлый, изучающий. И в нём — на самом дне, под всеми слоями камня и стали — мелькнуло что-то. Не надежда. Не доверие. Что-то меньше. Что-то хрупче.

Любопытство, которое боится само себя.

— Грош, — сказал он, не отводя от меня взгляда. — Конвой. Пятеро. До Бруха и обратно.

— Владыка, — Грош оскалился. — Она не вернётся. Шахтёры съедят её в первый день.

— Она — моя собственность. Тронут её — ответят мне.

Собственность. Слово ударило, как пощёчина. Я стиснула зубы. Проглотила. Улыбнулась — профессиональной улыбкой, которая не касалась глаз.

— Благодарю, Ваше Величество, — сказала я.

Его глаза сузились. На миллиметр. Он заметил. Улыбку, которая не была улыбкой. Благодарность, которая не была благодарностью.

Он понял, что я — не то, чем кажусь.

Хорошо. Пусть думает. Думающий клиент — управляемый клиент.

Нас вывели из тронного зала через боковой коридор — узкий, тёмный, с низким потолком, о который я не билась головой, а Грош бился. Каждый раз — глухой удар, ворчание на оркском, что-то про «проклятых архитекторов-гоблинов».

Конвой — пять орков, каждый вдвое шире меня в плечах. Копья, мечи, ржавые доспехи. Лица — мрачные, равнодушные. Для них я — груз. Доставить, привезти обратно, не сломать. Как посылку.

Шник семенил рядом, прижимая к груди свою дощечку, и бормотал:

— Брух... это три дня пути... три дня! Расход на провизию: семь грахов в день на одного орка, пять орков, двадцать один день... нет, три дня... сто пять... нет, семь на пять — тридцать пять в день, на три — сто пять, но она, — кивок на меня, — рабыня, расход — семь грахов, итого сто двенадцать, но мы ещё не посчитали износ обуви...

— Шник, — сказала я.

Он замолчал. Посмотрел на меня. Уши — торчком.

— У меня нет обуви, — сказала я.

Он посмотрел на мои босые ноги. Грязные, стёртые, с ссадинами от камня.

— Экономия! — сказал он.

Я бы засмеялась, если бы не одно обстоятельство: мне нужно было подготовиться.

Три дня пути. Три дня, чтобы продумать всё.

Дорога до Бруха была... образовательной.

Не в смысле «красивые пейзажи». Пейзажи Ноктурриса — это чёрные скалы, красное небо, вулканические долины и растительность, которая выглядела так, будто её создал художник-депрессивник на абсенте. Деревья — чёрные, скрюченные, с листьями цвета запёкшейся

крови. Трава — серая, жёсткая, хрустящая под ногами, как битое стекло. Воздух пах серой и чем-то сладким, гнилым.

Образовательной — в смысле информации.

Орки-конвоиры разговаривали при мне свободно. Рабыня — мебель. Мебель не подслушивает. Они обсуждали всё: командиров, жалование (которого нет), еду (которой мало), женщин (которых ещё меньше), и — главное — Владыку.

Вот что я услышала:

— «Владыка вызвал Казара на поединок в прошлом месяце. Казар — чистокровный, молодой, быстрый. Бой шёл час. Владыка победил, но у него потом три дня тряслись руки. Он прячет это, но мы видели».

— «Ашара привела войско к южным перевалам. Десять тысяч. Стоит и ждёт. Ждёт, пока он ослабнет. Все знают. Он тоже знает. Но сделать ничего не может — если пойдёт на юг, север откроется для Светлых».

— «Грош говорит — ещё один поход, и армии конец. Не от врагов — от голода. Солдаты уже едят кору. Кору! Мы — орки! Мы едим мясо! А жуём деревья, как проклятые тролли!»

— «Слышал, гоблин из казначейства говорит — казна не пуста. Казна отрицательная. Это значит, мы должны больше, чем имеем. Я не знал, что так бывает. Гоблин сказал — бывает. Всегда бывает, когда никто не считает».

Я слушала. Запоминала. Строила карту.

И думала о Кайрусе.

Он отправил меня в Брух не для того, чтобы я решила проблему шахтёров. То есть — и для этого тоже. Но главная цель была другая.

Он хотел посмотреть, на что я способна.

Классический управленческий приём. Когда ты не уверен в новом сотруднике — дай ему невозможную задачу. Если справится — ты получил ценного кадра. Если нет — ты ничего не потерял.

Шахтёрский город Брух — это мой тест. Моя бесплатная проба. Если я справлюсь — сделка. Если нет — камера.

Никакого давления. Никакого.

На второй день пути мы прошли через деревню.

Гоблинская деревня. Маленькая — двадцать, может тридцать хижин, слепленных из глины и вулканического камня. Крыши — солома. Стены — в трещинах. Перед хижинами — маленькие делянки с серым «кашру», чахлым и жалким.

Деревня была живой. В том смысле, что в ней были жители. Старые гоблины, старые гоблинши и — дети. Маленькие гоблинята, голенастые, ушастые, с огромными глазами и тонкими ручками.

Дети испугались конвоя. Не шума — они вжались в стены, затихли, исчезли. Мгновенно, профессионально, как тараканы при включённом свете. Привычка. Рефлекс. Навык выживания.

Я остановилась.

Конвоир дёрнул цепь: «Двигайся». Я двинулась. Но продолжала смотреть.

Шник шёл рядом и бормотал:

— Деревня Крих. Тридцать два дома. Население — предположительно сто сорок. Налоговая категория — пятая, самая низкая. Платят четыре граха в сезон. Четыре! Это даже не расходы на содержание сборщика! Убыточная единица! Экономический нонсенс!

— Шник, — сказала я. — Чем они живут?

— Кашру. Выращивают кашру и продают на рынке в Брухе. Когда рынок работает. Когда рынок не работает — голодают.

— Почему рынок не работает?

— Потому что дорога между Крихом и Брухом разрушена. Три года назад. Оползень. Никто не чинит.

— Почему?

Шник посмотрел на меня. Моргнул.

— А кто должен?

Я остановилась. Посмотрела на него.

— Кто-то должен, Шник. Дорога — это инфраструктура. Без дороги — нет торговли. Без торговли — нет налогов. Без налогов — нет казны. Без казны — нет армии. Без армии — все мёртвые. Дорога — это начало цепочки.

Шник моргнул. Ещё раз. И ещё. Потом — перестал.

— Ты, — сказал он медленно, — говоришь цепочками.

— Да.

— Числа — тоже цепочки?

— Числа — всегда цепочки. Одно связано с другим. Доход связан с расходом. Расход связан с производством. Производство связано с инфраструктурой. Инфраструктура связана с инвестициями. Всё связано. Если потянуть за одно звено — сдвинется всё.

Шник замер. Замер так, что я испугалась — не впал ли он в кому. Гоблины маленькие, хрупкие, может у них бывают сердечные...

Потом он посмотрел на меня. И на его лице — маленьком, носатом, с огромными ушами и болотными глазами — появилось выражение.

Я видела это выражение раньше. На лицах инженеров, которым объясняешь их же собственный проект с другого ракурса. На лицах политиков, которые вдруг видят связь, которую не замечали двадцать лет. На лицах студентов, у которых щёлкает.

Понимание.

— Цепочки, — прошептал Шник. — Цепочки. Вот почему ничего не сходится! Я считал отдельно — казну отдельно, армию отдельно, шахты отдельно! А они связаны! Госпожа Рита, они связаны!

— Шник, я не госпожа. Я рабыня.

— Вы госпожа цепочек! — Он чуть ли не подпрыгивал. — Госпожа связей! Госпожа систем! Вы...

— Шник.

— ...Да?

— Тише. Конвоиры смотрят.

Конвоиры действительно смотрели. Пять орков, каждый из которых мог перекусить Шника пополам, таранились на прыгающего гоблина с одинаковым выражением: «Он всегда такой, или укусили?»

Шник притих. Но его глаза — болотные, огромные, горящие — не потухли. Он смотрел на меня так, как верующий смотрит на пророка.

Первый союзник.

На третий день мы пришли в Брух.

И я поняла, что тест будет сложнее, чем я думала.

Брух — не город. Брух — язва. Серый, грязный, задымлённый кратер у подножия потухшего вулкана. Шахтёрские бараки — длинные, низкие, из того же вулканического камня, который здесь добывали. Дым из штолен, пыль, грохот. И — тишина. Людская тишина. Никто не работал. Шахты стояли.

Перед главной штольной — толпа. Орки-шахтёры. Сотня, может больше. Без оружия, но с кирками, ломами, каменными молотами. Лица — чёрные от угольной пыли. Глаза — злые. Не злые на кого-то. Злые вообще. На мир. На жизнь. На всё.

У ворот штольни — ещё орки. В доспехах. Стража надзирателя. Между толпой и стражей — пустое пространство. Ничейная полоса. Напряжение такое, что воздух гудел.

Я стояла на холме и смотрела вниз. Шник стоял рядом и моргал.

— Сто четырнадцать шахтёров, — пробормотал он. — Двенадцать стражников надзирателя. Соотношение — девять к одному. Если начнётся...

— Не начнётся, — сказала я.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что они стоят три недели. Если бы хотели драться — дрались бы в первый день. Они ждут. Ждут, что кто-то решит.

— Никто не решает.

— Теперь — я.

Шник посмотрел на меня. Потом — на толпу. Потом — на меня.

— Ты — человеческая рабыня, — сказал он. — Без оружия. Без магии. В кандалах.

— Да.

— Они — сто четырнадцать голодных орков с кирками.

— Да.

— ...Мы умрём?

— Шник, какова вероятность?

Он задумался. Реально задумался — я видела, как его глаза бегают, считая.

— Шестьдесят три процента, — выдал он.

— Завышаешь, — сказала я. — Максимум тридцать. Если я ошибусь — тогда сто. Но я не ошибусь.

— Откуда такая уверенность?!

Я посмотрела на него. Маленький, перепуганный гоблин с дощечкой, на которой записана бухгалтерия разваливающейся империи. Единственный в этом мире, кто считал. Единственный, кто видел цифры. И единственный, кого это волновало.

— Шник, — сказала я. — Ты видел мою таблицу в камере?

— Да.

— Ты видел, что в каждой клетке — минус?

— Да.

— Когда везде минус — хуже быть не может. А когда хуже быть не может — остаётся только лучше. Это и есть моя уверенность. Дно. Мы уже на дне. Дальше — только вверх. Или никуда. Но никуда — это не моя специальность.

Я повернулась к конвоирам.

— Мне нужно поговорить с их вожаком. Кто переведёт?

Орки переглянулись. Старший — тот, со шрамом — посмотрел на меня. Долго. Потом оскалился.

Не угроза. Уважение. Маленькое, неохотное, но настоящее.

— Я переведу, — сказал он.

Мы спустились в Брух.

Вожак шахтёров был огромен даже по оркским стандартам. Два двадцать, бивни до подбородка, руки — как мои ноги. Его звали Рухк, что на оркском означало — Шник перевёл с кислой миной — «тот, кто ломает хребты».

Он сидел на каменном блоке у входа в штольню. Вокруг — его шахтёры. Молчаливые, чёрные от пыли, с глазами, в которых горело одно: ярость.

Когда я подошла, он посмотрел на меня. Сверху вниз. С высоты своих двух двадцати — на мой метр шестьдесят пять. В кандалах. Босую. Грязную.

И засмеялся.

Орочий смех. Агрессия. Ярость. «Ты — шутка. Ты — ничто. Ты — мясо».

Шахтёры за его спиной засмеялись тоже. Волна хохота, от которой задрожал воздух. Я стояла и ждала, пока они закончат.

Они закончили. Рухк вытер глаза — жест, который у орков означал не слёзы, а раздражение — и прорычал что-то. Длинное, презрительное, с плевком в конце.

Конвоир перевёл: «Он говорит — Владыка прислал это? Вместо армии? Человеческую самку в цепях? Это оскорбление. Он плюнул. Плевок — не уважение. Плевок на землю — презрение».

Я кивнула. Посмотрела на Рухка. Прямо в глаза.

— Скажи ему, — сказала я конвоиру, — что я не армия. Я не пришла его убивать. Я пришла считать.

Конвоир перевёл. Рухк нахмурился. На оркском лице это выглядело как тектонический сдвиг.

— Считать что?

— Сколько ваш надзиратель украл.

Тишина.

Рухк перестал смеяться. Шахтёры за его спиной — тоже. Сто четырнадцать пар глаз смотрели на меня.

— Вы говорите, что надзиратель ворует, — продолжила я. — Но вы не знаете сколько. Вы чувствуете, что вас обворовывают, — но у вас нет цифр. Без цифр — это жалоба. С цифрами — это обвинение. Жалобу можно проигнорировать. Обвинение — нет.

Конвоир переводил. Рухк слушал. Его брови — толстые, чёрные, как два таракана — медленно ползли вверх.

— Дайте мне доступ к записям надзирателя, — сказала я. — Записи о добыче, записи о выплатах, записи о расходах. Если они существуют.

Рухк посмотрел на орка рядом — тощего, сутулого, с умными глазами. Орк что-то прорычал.

Конвоир перевёл: «Записи есть. Надзиратель ведёт книгу. Никому не показывает».

— Покажет мне, — сказала я. — Или я скажу Владыке, что надзиратель отказался. А Владыка не любит, когда ему отказывают.

Рухк смотрел на меня. Долго. Потом оскалился.

Не смех. Не презрение.

Зубы.

Все зубы. Оба бивня.

Уважение.

— Маленькая, — прорычал он (конвоир перевёл), — ты или очень храбрая, или очень тупая.

— В моём мире, — ответила я, — это одно и то же.

Он захохотал. Снова. Но на этот раз — иначе. Не агрессия. Не ярость. Что-то новое. Что-то, для чего у орков, может быть, даже не было слова.

Потому что обычно никто не смешил их специально.

Три дня. Я провела в Брухе три дня.

Первый день — аудит. Записи надзирателя (оркские «записи» — зарубки на каменных плитах, но Шник мог их прочитать). Цифры добычи. Цифры выплат. Цифры расходов.

Результат: надзиратель воровал сорок процентов добычи. Сорок. Это даже для российских чиновников многовато.

Второй день — допрос надзирателя. Не физический — экономический. Я посадила его перед Шником и заставила объяснить каждую цифру. Каждую зарубку. Каждый расход.

Он не мог. Потому что цифры не сходились. И он это знал. И Шник это знал. И все видели, как Шник моргает — быстро, нервно — потому что надзиратель врал, и гоблинское моргание было детектором лжи в реальном времени.

Надзиратель сломался на третьем часе. Не от вопроса — от цифр. Цифры не врут. Цифры — единственная честная вещь в обоих моих мирах.

Третий день — решение. Я собрала Рухка, шахтёров и остатки стражи надзирателя. Стояла перед ними — тощая, в кандалах, босая — и говорила. Шник переводил, конвоир корректировал перевод (оркский Шника был слишком гоблинским, шахтёры не понимали половину).

— Надзиратель украл сорок процентов добычи за два года, — сказала я. — Это ваша работа, ваш пот, ваша кровь. Он будет наказан — Владыка решит как. Но это прошлое. Давайте поговорим о будущем. Что вы хотите?

Рухк ответил. Просто, коротко, по-оркски:

— Есть. Нормально есть. Мясо. Не кашру. Мясо. И чтобы нашу добычу не крали.

— Справедливо, — сказала я. — Вот что я предлагаю. Новый надзиратель — из ваших. Тот, кому вы доверяете. Он будет вести учёт вместе с казначеем Владыки. Каждая зарубка — проверена. Каждый кусок руды — посчитан. Воровать станет невозможно, потому что цифры будут открытыми. Вы будете видеть, сколько добыли, сколько ушло в казну и сколько — вам. И доля ваша вырастет. Потому что сорок процентов перестанут исчезать в кармане вора.

Тишина. Рухк думал. Орки думают медленно — не потому что тупые, а потому что тщательно. Они не принимают решений, которые не могут пощупать.

— А мясо? — спросил он.

— Мясо будет, — сказала я. — Когда казна Владыки наполнится — потому что вы будете работать — он сможет закупать продовольствие. Но для этого вам нужно вернуться в шахты. Это сделка: вы работаете — казна растёт — вы едите.

— А если не вырастет?

— Тогда приходите ко мне, — сказала я. — Лично. И я найду, где деньги.

Рухк посмотрел на меня. Потом — на Шника (который стоял рядом и моргал, но не от лжи — от волнения). Потом — на конвоиров (которые стояли с каменными лицами, но слушали).

Потом он плюнул.

Не на землю. На ладонь. Протянул мне руку — огромную, чёрную, мокрую от слюны.

Конвоир перевёл его жест — не нужно. Я уже знала. Плевков на ладонь — печать. Орочье рукопожатие. Не доверие — договор. «Я даю тебе своё слово, скреплённое слюной, которая заживляет раны. Если ты нарушишь слово — рана не заживёт».

Я посмотрела на ладонь. Слюна орка. Зелёная, вязкая, с запахом, от которого у меня слезились глаза.

В прошлой жизни я жала руки коррумпированным чиновникам, продажным журналистам и олигархам, чьи ладони были липкими от чужих денег. И каждый раз улыбалась.

Оркская слюна — честнее.

Я протянула руку. Маленькую, грязную, в кандалах.

Рухк пожал. Осторожно — невероятно осторожно для орка, который ломает хребты. Как будто боялся сломать мне пальцы. И, наверное, мог бы — если бы сжал хотя бы вполсилы.

Бунт в Брухе закончился.

За три дня. Без мечей. Без мертвецов. Без крови.

Цифрами.

Обратная дорога заняла два дня — быстрее, потому что конвоиры торопились. Не из усердия — из голода. Во дворце хотя бы кормили. Здесь — только кашру из дорожных запасов, и орки смотрели на него с отвращением, которое я полностью разделяла.

Шник не умолкал всю дорогу. Он считал. Вслух. Непрерывно. Сколько шахта Бруха произведёт при новом надзирателе. Сколько поступит в казну. Сколько можно было бы получить, если восстановить остальные восемь шахт. Сколько можно было бы получить, если починить дорогу от Криха до Бруха и запустить торговлю.

Цепочки. Он строил цепочки. И каждая новая связь — доход к расходу, расход к производству, производство к инфраструктуре — зажигала в его глазах огонь, который я видела только у лучших аналитиков Москвы.

Шник был гением. Гением, запертым в мире, который не умел считать.

На подходе к столице, когда чёрные стены дворца уже маячили на горизонте, я остановилась.

— Шник, — сказала я.

— Да, госпожа?

— Не называй меня госпожой. Я — рабыня.

— Вы — госпожа цепочек.

— Шник.

— ...Рита. Хорошо. Рита.

— Шник, когда мы вернёмся — Владыка спросит, что произошло. Ты расскажешь. Не я. Ты.

Он замер. Уши — торчком. Нос — двигается.

— П-почему я?

— Потому что ты — казначей. Ты — его казначей. Если я расскажу — это будет слово рабыни. Если расскажешь ты — это будет слово казначея. Разница — в статусе. А в Ноктуррисе статус — это всё.

Шник моргнул. Подумал. Перестал моргать.

— ...Вы хитрая, — сказал он.

— Я практичная, Шник. Хитрость — это когда обманываешь. Практичность — когда используешь то, что есть. У вас есть статус. Используйте его.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом — выпрямился. Весь метр двадцать — выпрямился. И сказал:

— Я расскажу.

Тронный зал. Вечер. Факелы горят — все двенадцать, кто-то починил оставшиеся два. Пепел на Троне шевелится от сквозняка. Стражники у стен. Гоблины в тенях. Каменные великаны — неподвижные, молчаливые, дышащие.

Кайрус — на Троне. Тот же камзол. Те же тени. Тот же шрам. Те же глаза — серые, мерцающие, ждущие.

Рядом — Грош. Рядом с Грошем — Мортиус, парящий и мерцающий.

Я стояла позади Шника. Руки за спиной. Кандалы спрятаны. Спина — прямая.

Шник вышел вперёд.

Он дрожал. Весь — от кончиков ушей до пят. Дощечка в его руках ходила ходуном. Но он стоял. И говорил. И не моргал.

— Владыка, — начал он. Голос — тонкий, писклявый, но ровный. — Бунт в Брухе подавлен. Без крови. Шахтёры вернулись к работе. Надзиратель арестован за воровство — сорок процентов добычи за два года. Вот цифры.

Он поднял дощечку. Зарубки, столбцы, строки. Его собственный аудит — не мой. Его числа, его расчёты, его работа.

— При новом надзирателе — выбранном шахтёрами — производство Бруха вырастет на тридцать пять процентов в первый сезон. Это обеспечит казну суммой в... — он сглотнул, — ...двадцать тысяч золотых грахов.

Тишина.

Грош моргнул. По-оркски это выглядело как маленькое землетрясение.

Мортиус издал звук, который мог быть кашлем, если бы у скелетов были лёгкие.

Кайрус — не шевельнулся. Но его пальцы на подлокотнике разжались. Полностью. Он расслабился.

— Двадцать тысяч, — сказал он.

— Двадцать три тысячи четыреста семнадцать, — поправил Шник. — Если точно. Я округлил.

Пауза. Кайрус посмотрел на Шника. Потом — мимо Шника. На меня.

Наши глаза встретились.

И я увидела.

Под камнем. Под сталью. Под тремястами годами усталости и сорока семью трупами. Там, на самом дне — там, где он прятал всё человеческое, всё слабое, всё живое — что-то шевельнулось.

Не надежда. Ещё нет.

Но готовность к надежде. Щель. Трещина в стене. Микроскопическая, почти невидимая. Достаточная.

— Рабыня, — сказал он.

— Владыка, — ответила я.

— Ты решила.

Не вопрос. Констатация. Он знал. Он видел сквозь Шника — на меня. На мои цифры, мою логику, мою цепочку.

Я могла соврать. Забрать заслугу, укрепить свои позиции. Стандартный карьерный ход.

Но — нет. Потому что мне нужен был Шник. Мне нужен был союзник внутри системы. А союзников не создают, обворовывая их.

— Шник решил, — сказала я. — Я показала ему, как считать по-другому. Но считал — он. Цифры — его. Без Шника я бы не поняла ни одной зарубки в книгах надзирателя.

Шник повернулся ко мне. Его глаза были огромными. Мокрыми. Гоблины, в отличие от демонов, могли плакать. И Шник — не плакал, но был близок.

Потому что никто — никто — за всю его жизнь не говорил: «Без тебя я бы не справилась».

Кайрус смотрел на нас. На меня. На Шника. На то, что было между нами — не дружбу, нет. Ещё нет. Но связь. Рабочую, функциональную, живую связь. Два существа, которые вместе сделали то, что по отдельности не могли.

И в его взгляде — под камнем, под сталью — мелькнуло что-то новое.

Не любопытство. Не оценка.

Зависть.

Зависть существа, которое триста лет не имело такой связи. Ни с кем. Никогда.

— Хорошо, — сказал он. — Будет разговор.

Он встал с Трона.

И зал — весь зал, все стражники, все гоблины, оба великана — вздрогнул. Потому что Владыка Ноктурриса не встаёт с Трона. Трон — его место. Его символ. Встать — значит спуститься. Спуститься — значит приравнять себя.

Он сошёл по ступеням. Три ступени. Медленно. Каждый шаг — гром в тишине зала.

Остановился передо мной.

Близко. Слишком близко. Я чувствовала жар, идущий от его тела — демоническая температура, градусов сорок, может больше. Чувствовала запах — сера и гроза, электричество и пепел. Чувствовала давление его взгляда — физическое, почти осязаемое, как будто воздух между нами стал гуще.

Он был выше меня на тридцать сантиметров. Смотрел сверху вниз. Я — снизу вверх.

— Завтра, — сказал он. Тихо. Только для меня. — Мой кабинет. Утро. Ты расскажешь всё, что видишь. Всё, что считаешь. Всё, что думаешь.

Пауза.

— А кандалы? — спросила я.

Его глаза — серые, стальные, нечеловеческие — задержались на моих запястьях. На железных браслетах. На ссадинах под ними.

— Кандалы, — повторил он. Как будто пробовал слово на вкус. Как будто слышал его впервые.

— Пока, — сказал он.

И ушёл.

Пока. Опять пока. Не «навсегда». Не «нет». Пока.

Я стояла в тронном зале, босая, в кандалах, с гоблином, который не моргал от восторга, и пятью орками, которые оскалились мне в спину.

И думала: «Этап первый — пройден. Клиент заинтересован. Первая встреча — завтра. Повестка: всё, что я знаю. Цена: всё, чего я хочу».

А потом — другая мысль. Тихая. Непрофессиональная. Человеческая.

«Он встал с Трона. Ради разговора. С рабыней. Это не прагматизм, Рита. Это — что-то другое».

Я оттолкнула эту мысль. Запихнула в дальний угол. Заперла на ключ.

Не время.

Пока.

Глава 4. Первый рабочий день

Ночь была самой длинной в моей жизни. В обеих моих жизнях.

Меня не вернули в подземелье. Это была первая маленькая победа — и первый маленький ужас, потому что я не знала, что она означает. В Ноктуррисе перемена статуса могла означать что угодно: повышение, казнь, продажу другому лорду, ритуальное жертвоприношение по случаю ближайшего затмения. Список вариантов был длинным и в основном заканчивался моей смертью.

Меня привели в комнату.

Не в комнату — в закуток. Три на два метра, каменные стены, деревянная кровать (кровать! после двух недель гнилой соломы!), маленький стол, свеча в железном подсвечнике. Одно окно — узкая щель на уровне груди, забранная решёткой. Через щель — красноватое небо и запах серы.

И — самое главное — без цепи. Кандалы на запястьях остались, но цепь, которая крепила меня к стене подземелья, отсутствовала. Впервые за две недели я могла двигаться. Ходить по комнате. Сесть. Встать. Дойти до окна и обратно.

Три шага. Разворот. Три шага. Разворот.

Первые полчаса я просто ходила.

Не потому что было куда идти. Потому что могла. Двадцать лет назад, на первом месяце в Москве, я снимала комнату в общежитии на четверых. Койка, тумбочка, гвоздь на стене вместо шкафа. Соседки храпели, пахли дешёвыми духами, крали мою еду. Я тогда думала — вот дно, ниже некуда, дальше только вверх.

Оказалось — вверх это было. И это тоже. И это.

Каменный закуток в замке Тёмного Властелина, после двух недель в подземелье, ощущался как номер люкс в Ritz-Carlton. Всё относительно. Всё чертовски, катастрофически относительно.

Я села на кровать. Матрас — жёсткий, комковатый, с запахом плесени. Одеяло — грубое, шерстяное, царапающее чужую тонкую кожу. Всё равно — лучшее, что у меня было за две недели.

И тогда меня накрыло.

Не радость. Не облегчение. Ужас.

Отсроченный. Профессиональный. Тот самый ужас, который я всегда прятала до момента, когда безопасно. В Москве это была ванная — я запиралась в ванной после успешной кампании и тряслась десять минут, прежде чем выйти к мужу — то есть, простите, я никогда не была замужем — выйти к пустой квартире и налить себе виски.

Здесь ванной не было. Была кровать. Свеча. Каменные стены.

Я сжала колени. Обхватила руками — чужими руками, тонкими, с обломанными ногтями. Согнулась пополам. И дышала — быстро, поверхностно, чужими лёгкими, которые не слушались.

Считай, Рита. Считай.

Двадцать три камня в стене напротив. Девять прутьев в оконной решётке. Один подсвечник. Одна свеча. Одна рабыня, которая только что предложила Тёмному Властелину партнёрство и не умерла.

Дыхание выровнялось.

Что я сделала?

Я реально об этом задумалась только сейчас, ночью, в одиночестве, когда адреналин закончился и остались чистые факты.

Я предложила сделку демоническому правителю, чью империю не смогли спасти двенадцать лордов и триста лет истории. Я пообещала сделать за полгода то, что не удавалось никому. Я поставила на кон свою жизнь — потому что если через полгода Ноктуррис падёт под ударами Светлого Альянса, я упаду вместе с ним, и Кайрус либо казнит меня сам, либо это сделают победители в назидание побеждённым.

И самое смешное — самое чертовски смешное — я знала, как это сделать.

Знала. Реально знала. По пунктам. Налоги. Учёт. Дисциплина. Пропаганда. Дипломатия. Всё это я делала в Москве, в Красноярске, в Екатеринбурге. Только там это называлось «оптимизация бюджета региона», «повышение узнаваемости кандидата», «работа с электоральными группами». Здесь будет называться иначе. Но принципы — те же.

Люди — они и в фэнтези люди. Даже когда они орки.

Особенно когда они орки.

Я легла на бок. Прижала колени к груди. Смотрела на свечу — маленький жёлтый огонёк, который бросал на стену дрожащую тень.

Завтра — встреча.

Первая рабочая встреча с новым клиентом. Кайрус Дрейвон, триста двенадцать лет, сильнейший демон континента, сорок семь трупов в анамнезе.

Повестка: всё.

Тайминг: неизвестно.

Дресс-код: рваный мешок и кандалы.

Настроение клиента: подозрительное.

Мой козырь: он хочет, чтобы у меня получилось. Он не признает это никогда — гордость не позволит. Но он спустился с Трона. Он встал. Он пришёл ко мне. Это значит только одно: он в отчаянии. Не показывает, никогда не покажет — но в отчаянии. Иначе не поставил бы всё на рабыню.

Значит, у меня преимущество.

Значит, работаем.

Я закрыла глаза.

Мама, — подумала я. Не говорила вслух. Просто подумала. — Мам, если ты меня как-то слышишь. Из своего мира. Или откуда там сейчас слышат мёртвые. Я живая. Я в порядке. Я в другом мире, в другом теле, работаю на демона, у которого дефицит бюджета и проблемы с самооценкой. Ничего особенного. Прости, что не позвонила на день рождения.

С днём рождения, мама.

Я заснула.

Впервые за две недели — не от изнеможения. Просто заснула.

Меня разбудил стук.

Не в дверь — двери в моём закутке не было, был проём с грубой занавеской. Стучали в косяк. Настойчиво, но не грубо.

Я открыла глаза. Красноватый свет через окно — рассвет. Или то, что здесь называлось рассветом. Я приподнялась на локте и увидела в проёме силуэт.

Большой силуэт. Женский. С косами.

— Встала? — Голос был низкий, хриплый, с оркским рычащим акцентом на демоническом языке. — Хорошо. Идём.

Я села. Огляделась. Никаких вещей у меня не было — что там могло быть? — так что «собираться» не пришлось.

— Кто ты? — спросила я. Мой демонический скрипел, как заржавевший механизм, но я уже говорила уверенней, чем вчера в тронном зале. Ночь помогла — я повторяла в уме фразы, спряжения, склонения. Мозг работал даже во сне.

— Гризельда, — сказала силуэт. Вошла в закуток. — Начальница рабов. Хочешь мыться?

Я замерла.

Мыться.

Две недели. Две недели грязи, пота, крови — своей и чужой, — солома, каменная пыль, дорога в Брух и обратно. Две недели я не мылась. У меня даже не было понимания, что «помыться» — возможный вариант в моей текущей жизни.

— Да, — сказала я. Слишком быстро. Слишком отчаянно. Профессиональная невозмутимость дала трещину.

Гризельда фыркнула. Оркский смешок — не агрессия, скорее... снисхождение.

— Идём.

Я встала. Ноги — чужие, слабые — плохо слушались после сна. Я шагнула, покачнулась. Гризельда шагнула ко мне и подхватила под локоть — легко, как ребёнка. Её ладонь — огромная, тёплая, с толстой кожей — задержалась на мне на секунду дольше, чем нужно.

Я подняла глаза.

Гризельда была старая — по оркским меркам, я думаю. Кожа тёмно-зелёная, местами почти серая. Морщины у глаз. Клыки — не такие острые, как у молодых стражников. Волосы — заплетены в две толстые косы, черно-серые с проседью. Одежда — не доспехи, а грубое платье из тёмной ткани, с широким кожаным поясом и связкой ключей.

Но глаза.

Глаза у неё были умные.

Не «сообразительные». Не «хитрые». Умные — тем усталым, повидавшим всё умом, который бывает у людей — и, видимо, не только у людей — которые пережили слишком много.

Я узнала этот взгляд. У моей бабушки был такой взгляд. У Бориса Семёновича. У врача, который сказал мне в августе, что у меня давление сто шестьдесят на сто.

— Идём, — повторила Гризельда. Отпустила мой локоть. — Времени мало. Владыка ждёт.

«Помыться» в Ноктуррисе оказалось процедурой.

Меня привели в небольшое помещение с каменным полом и наклоном к сточному отверстию. По периметру — деревянные ведра. В центре — большой чан с водой, от которой шёл пар. Гризельда указала на чан.

— Мойся. Мыло — там. Полотенце — там. Быстро.

Мыло оказалось куском чего-то серо-коричневого, пахнущего дёгтем и травами. Полотенце — грубая холстина. Вода — обжигающе горячая.

Гризельда осталась в дверях. Не смотрела — стояла спиной. Оркский такт. Или не такт — а просто безразличие: голое тело человеческой рабыни её не интересовало ни в каком смысле.

Я сняла мешок, который считался моей одеждой. Разделась при чужой женщине без всякого стеснения — потому что после двух недель в подземелье стеснение осталось где-то в прошлой жизни, вместе с офисом на Тверской и кофемашиной за сто двадцать тысяч.

Влезла в чан.

И ахнула.

Не от боли — от ощущения. Горячая вода. Настоящая горячая вода, которая обволакивает тело, смывает грязь, снимает боль с мышц, распаривает засохшую кровь на спине.

Я закрыла глаза.

На секунду — только на одну секунду — я забыла, где я. Забыла про Кайруса, Ноктуррис, Светлый Альянс. Забыла про чужое тело, чужой мир, чужое имя.

Просто — горячая вода. И тишина.

Потом я вспомнила. Открыла глаза. Взяла мыло. Начала мыться — быстро, эффективно, потому что времени мало и Владыка ждёт.

Я мыла лицо и думала: интересно, какое оно теперь? Я не видела своего лица две недели. Не было зеркала. И не будет, наверное. В Ноктуррисе зеркала — роскошь.

Пальцы прошлись по щеке. Тонкая кожа. Острые скулы — тело истощённое, ясно. Нос — прямой, короткий. Губы — тонкие. Глаза... глаза я не могла ощупать, но они, я помнила, тёмно-зелёные. Кайрус их видел вчера. Все они видели. Только я — не видела.

Волосы. Мокрые, спутанные, тёмные. Длина — до плеч, обрезаны неровно. Пахнут — теперь, после мыла — дёгтем и травами.

Кто ты была, — подумала я, обращаясь к телу, которое было теперь моим. — Как тебя звали? Где твоя мама? Кто тебя бил?

Тело не отвечало. Тело — просто мылось.

Я закончила. Вылезла из чана. Полотенце — грубое, царапучее — обожгло разгорячённую кожу. Гризельда всё это время стояла спиной, теперь повернулась.

Посмотрела на меня.

И тут я поняла, что она видит меня — впервые. Без грязи, без крови, без соломы. Просто — тело.

Её взгляд задержался на трёх рубцах на спине — свежих, розовых. На кольцевых ссадинах от кандалов. На синяках, которых я даже не помнила, откуда они. На выступающих рёбрах — тело две недели ело один раз в день.

Её лицо не изменилось. Ни жалости, ни отвращения. Просто — оценка. Как у ветеринара.

— Одевайся, — сказала она. Указала на угол.

В углу лежала одежда.

Не мешок. Настоящая одежда. Простое тёмное платье из плотной ткани, длинное, с рукавами. Мягкие тканевые туфли. И — самое поразительное — чистое нижнее бельё. Что-то вроде рубашки и коротких штанов, из светлой льняной ткани.

Я замерла.

— Откуда? — спросила я.

— Владыка приказал. Одеть тебя. Не по-рабски. Ты теперь — при нём. Нельзя, чтобы приходила к его столу в лохмотьях.

Я одевалась молча. Платье — по фигуре, но чуть велико: тело слишком тощее. Туфли — по размеру. Пояс — тканевый, простой.

Впервые за две недели — я не раба по виду.

Кандалы на запястьях остались. Гризельда посмотрела на них.

— Владыка сказал — снять, когда доверие. Не раньше.

— Разумно, — сказала я.

Гризельда моргнула. Ещё раз. Внимательно посмотрела на меня.

— Ты странная, — сказала она.

— Я знаю.

Она хмыкнула. Опять — не смех, а что-то среднее между фырканьем и удовлетворением.

— Пошли.

Мы шли по коридорам замка, и я смотрела.

Вчера — по дороге в тронный зал — я тоже смотрела, но иначе. Тогда я собирала информацию для выживания. Теперь — для работы.

Замок был огромен. И разрушен.

Не буквально. Стены стояли, потолки не обвалились. Но всё — везде, куда падал взгляд — было в состоянии медленного разложения. Штукатурка отваливалась кусками. Плитка на полу — местами вздыбилась, местами провалилась. Гобелены на стенах — выцветшие, изъеденные молью, с большими прорехами.

Я насчитала минимум сорок серьёзных дефектов только на пути от бани до кабинета Кайруса. Каждый дефект — деньги. Каждый дефект — символ. Замок — визитная карточка правителя. Такой замок кричит: «Хозяин не справляется».

По коридорам ходили существа. Стражники — орки, зевающие после ночной смены. Гоблины — с ведрами, тряпками, дощечками. Один демон — низкий лорд, судя по одежде, — прошёл мимо нас, скользнул по мне взглядом, дёрнул уголком губ. Не поздоровался с Гризельдой, она с ним — тоже. Классовые различия.

Все они смотрели на меня. Быстро, украдкой. И в каждом взгляде — информация уже разлетелась. Ночью, пока я спала, слух прошёл по замку: человеческая рабыня решила бунт в Брухе, вернулась живая, спит в комнате, а не в подземелье.

Меня ждали. Меня обсуждали. Меня классифицировали.

Хорошо. Пусть.

Гризельда шла впереди — крупная, уверенная, с ключами, которые звенели на поясе. Ключей было много — штук двадцать, разного размера. Начальница рабов. Тюремщица. Хозяйка ключей.

— Гризельда, — сказала я тихо. — Сколько ты здесь?

Она не повернула головы.

— Долго.

— Сколько?

— Восемьдесят три года.

Я споткнулась. Не буквально — ноги пошли дальше. Но внутри — споткнулась.

Восемьдесят три года. Она работала здесь восемьдесят три года. Дольше, чем большинство людей живут.

— Ты видела прежнего Владыку? — спросила я.

— Да. Он меня и купил. Мне было двадцать. Он — умер тридцать лет спустя. Владыкой стал сын. Молодой. Я думала — не выдержит. Ошиблась.

— В хорошем смысле или в плохом?

Она наконец повернула голову. Посмотрела на меня через плечо.

— В обоих.

Мы дошли до тяжёлой деревянной двери, окованной чёрным металлом. Гризельда остановилась. Постучала — три раза, размеренно.

— Войди, — раздался голос изнутри. Тот самый — низкий, ровный, с шёпотом-котрый-был-громче-крика.

Гризельда посмотрела на меня. В её умных глазах — что-то новое. Не жалость. Не сочувствие. Предупреждение.

— Одна вещь, — сказала она тихо. — Он не любит длинные вступления. Не любит лести. Не любит, когда ходят вокруг. Говори — что видишь. Прямо. Он — уважает прямоту. И — не улыбайся ему. Он это не так поймёт.

— Как поймёт?

— Как приглашение. Оскал — приветствие. Улыбка — предложение.

Я кивнула. Гризельда открыла дверь.

Я вошла.

Кабинет Кайруса был откровением.

Тронный зал — театр. Показуха. Место, где Владыка играет Владыку. Кабинет — реальность. Место, где Владыка работает.

И реальность была ужасающей.

Комната большая — метров восемь на десять. Три стены — сплошные полки с книгами, свитками, картами. Четвёртая — окно во всю стену, за которым — крыши замка и дальше вулканическое плато под красным небом. У окна — огромный стол из чёрного дерева. На столе — хаос.

Не «беспорядок». Хаос.

Свитки, книги, карты — в стопках, россыпях, разложенные, свёрнутые, полусвёрнутые. Между бумагами — чернильницы, перья, восковые печати, оружие (кинжал в ножнах, странного вида металлический жезл, короткий меч на подставке). На краю стола — тарелка с чем-то полусъеденным — я предположила, что вчерашним, судя по цвету. Рядом — три пустых кубка и один полный, из которого шёл пар.

За столом — Кайрус.

Он сидел не в кресле — на низкой деревянной табуретке, слишком маленькой для его роста, так что колени торчали вверх. Локти — на столе. Пальцы — в волосах. Волосы — расчёпанные, влажные, будто он только что окунул голову в воду. На нём был не вчерашний камзол, а простая тёмная рубашка с закатанными рукавами. Рукава закатаны — я увидела его предплечья.

Шрамы.

Много. Много, много шрамов. Белые, розовые, старые, свежие. Пересекающие друг друга. Некоторые — длинные, ровные линии от клинка. Некоторые — рваные, зубчатые — от когтей или зубов. Один — на левом предплечье — свежий, красноватый, с корочкой. Прошлая неделя, не больше.

Триста лет войны. И вся эта война — на его коже.

Он поднял голову. Посмотрел на меня.

Утром, при дневном свете, я увидела его иначе, чем вчера. Не «Тёмный Властелин на Троне». Просто — измученный мужчина в кабинете, заваленном работой. Тени под глазами — глубже, чем вчера. Или мне так показалось при факелах. Седина на висках — заметнее.

Он выглядел на все свои триста двенадцать. Не внешне — внутренне.

— Оставь, — сказал он Гризельде.

Она поклонилась — низко, коротко — и вышла. Дверь закрылась.

Тишина.

Кайрус смотрел на меня. Я смотрела на него.

Он оценивал: помылась, одета, стоит прямо, кандалы на месте.

Я оценивала: не спал, много пил (кубки), не ел (тарелка не тронута сегодня), работал всю ночь (свечи оплавлены до огарков).

Мы оба закончили оценивать примерно одновременно.

— Садись, — сказал он.

Указал на табуретку по другую сторону стола. Точно такую же, как его. Не «кресло для просителя». Не «низкий стул». Такую же. Равную.

Я села.

— Ешь, — сказал он.

Пододвинул ко мне тарелку. На тарелке — не вчерашнее. Свежее: хлеб — тёмный, плотный, с зёрнами. Сыр — жёлтый, острого вида. Мясо — жареное, тонко нарезанное. Фрукты — что-то похожее на яблоки, только тёмно-фиолетовые.

Настоящая еда.

Я замерла.

— Ешь, — повторил он. — У тебя дрожат руки.

Он был прав. Руки — чужие руки — дрожали. От голода, от волнения, от адреналина. Тело две недели ело серую кашу один раз в день. Тело было в шаге от того, чтобы отказать.

Но — не при клиенте.

— Владыка, — сказала я, — благодарю. Но я не ем в присутствии...

Я запнулась. Не «в присутствии людей». Он — не человек. Не «в присутствии тех, кто выше». Он — Владыка, здесь все выше меня.

— ...в присутствии тех, кто не ест сам, — закончила я.

Пауза.

Кайрус смотрел на меня. Долго. Медленно.

Потом — молча — взял с тарелки кусок хлеба. Отломил. Положил в рот. Прожевал. Проглотил.

Не отводя от меня глаз.

Демонстрация. Он ест. Значит, могу и я. Он сделал первый шаг — что для демона было эквивалентом... я даже не знала чему. Обнажения шеи, наверное. Или чего-то в этом роде.

Демоны не едят при других. Я это узнала от стражников. Еда — уязвимость. Демон ест только с теми, кому доверяет. Или с теми, кого не боится.

Ни того, ни другого он ко мне не должен был чувствовать.

Но он ел. При мне. Со мной.

Я взяла хлеб. Отломил маленький кусок. Положила в рот.

Хлеб был невероятный.

Не «вкусный». Я не могу сказать, был ли он вкусным — мой вкус был искажён двумя неделями серой каши. Но он был настоящий. Тёплый. Плотный. Питательный. Как еда, а не как пытка едой.

Я жевала. Он смотрел. Потом взял ещё кусок сам. Съел. Я взяла сыр. Съела. Он — мясо. Я — фрукт. Тёмно-фиолетовое яблоко оказалось кислым, вяжущим, но живым — я почувствовала, как сок обжигает горло.

Мы ели молча. Две минуты. Три. Пять.

И в этой тишине — было что-то интимное, чего я не ожидала. Что-то, для чего у меня не было названия.

Потом он положил недоеденное мясо на тарелку. Вытер пальцы о салфетку (салфетка! была салфетка!) и сказал:

— Достаточно. Работаем.

Я тоже отложила еду. Хотя могла бы съесть в пять раз больше — тело кричало о том, чтобы съесть всё, что на столе, и просить добавки. Но профессионализм — прежде всего. Я вытерла руки.

— Владыка, — сказала я, — мне нужны условия работы.

— Условия.

— Да. Три.

Он поднял брови. Микрожест. Означал, я думаю, что-то среднее между «продолжай» и «интересно».

— Первое, — сказала я. — Мне нужен доступ. К записям Шника. К отчётам лордов. К переписке с заставами. К картам. К любой информации, которую я запрошу. Без доступа я работаю вслепую.

— Дано.

— Второе. Мне нужны полномочия. Не ваши. Просто — уровня. Чтобы, когда я задаю вопрос лорду или казначею или командиру, они отвечали, а не отсылали к вам. Иначе каждое согласование займёт три недели, и мы не успеем.

Он кивнул. Один раз. Коротко.

— Дано. Ты будешь говорить моим голосом. По вопросам, которые я тебе делегирую.

— Спасибо. Третье.

Пауза. Я подобралась. Это было самое сложное.

— Мне нужно, чтобы никто — никто — не смел меня трогать. Ни лорд, ни стражник, ни кто угодно. Кроме вас. Если я — ваша собственность, как вы сказали вчера, то моя неприкосновенность — тоже. Если кто-то поднимет на меня руку, будет считаться, что он поднял руку на ваше имущество.

Тишина.

Долгая. Тяжёлая.

Кайрус смотрел на меня. И его глаза — впервые за всё время, что я его видела — изменились.

Не в цвете. Не в форме. В интенсивности. Как будто кто-то повернул регулятор яркости. Зрачки — сузились. Взгляд — стал тяжёлым, тяжелее вчерашнего в тронном зале.

Я поняла — не сразу, а через секунду — что я сказала.

Я сказала: моя неприкосновенность.

Я — рабыня. У рабов нет неприкосновенности. У рабов есть хозяин. Хозяин распоряжается ими как имуществом. Хозяин может дать, забрать, продать, наказать. Хозяин может использовать. По-разному. В том числе — тем, о чём я не хотела думать вчера ночью, лёжа на кровати в тёмном закутке.

Я не спросила — «Владыка, обещаете, что не будете». Я сказала — так, будто это уже решено, будто это часть договора, будто он уже согласился.

Классический приём. Ассумпция. Предположение как факт.

Но с ним это было не приём. Это была ставка. Огромная. И он это понимал.

Он мог оскорбиться. Мог возмутиться. Мог напомнить мне, кто я и кто он. Мог сказать: «Ты — моя. Я делаю с тобой, что хочу. Твоё дело — работать».

Мог. И — не сказал.

Он молчал. Я молчала. Секунду. Две. Пять.

Потом он произнёс — тихо, ровно, без интонации:

— Никто.

— Никто, — повторила я.

— Даже я.

Я моргнула. Раз. Два.

Он продолжил:

— Я не трогаю тех, кто не хочет. Никогда не трогал. Триста лет. Меня обвиняют во многом, рабыня. В этом — не имеют права. И не будут.

Тишина.

В его голосе — под ровным тоном — было что-то. Не гнев. Не оскорбление. Отвращение. К самому предположению. К тому миру, где это предположение приходится обсуждать. К тому факту, что я — женщина, попавшая в ситуацию, где такой вопрос закономерен.

И — что-то ещё. Глубже. Старее. Личное.

Я не стала спрашивать. Не сейчас. Может, никогда.

— Благодарю, — сказала я. — Тогда условия приняты. Приступим?

Он кивнул.

Я села прямее.

— Владыка, у нас шесть месяцев. Может, меньше — Светлый Альянс не будет ждать нас. За эти шесть месяцев мы должны сделать три вещи. Первое — деньги. Второе — армия. Третье — легитимность. В таком порядке. Потому что без денег нельзя кормить армию, а без армии нельзя удержать легитимность. Классическая пирамида.

Кайрус слушал. Не перебивал. Локти на столе, пальцы сплетены. Взгляд — сфокусированный.

— Начнём с денег. Ваша казна пуста, потому что налоговая система разрушена. Лорды не платят, потому что могут не платить. Это — вопрос не морали, а механизма. Нет механизма — нет платежей. Мораль работает у святых. У остальных работает механизм. Я предлагаю ввести стандартный налог. Пятнадцать процентов от дохода лорда.

— Они не согласятся.

— Согласятся. Потому что сейчас они платят непредсказуемо — иногда двадцать процентов, иногда пять, иногда ноль, но всегда под угрозой того, что вы придёте с армией и заберёте всё. Мы предложим им сделку: гарантированные пятнадцать процентов, в обмен на гаран-

тию, что вы не приходите с армией. Для них — предсказуемость. Для нас — гарантированный поток.

Кайрус наклонил голову. Тот самый жест на один градус.

— Они всё равно будут прятать доходы.

— Будут. Поэтому — второе. Аудит. У Шника есть талант к цифрам, но нет полномочий. Дадим полномочия. Пусть проверяет отчёты лордов. Пусть сравнивает с реальными объёмами добычи, торговли, налоговых баз. Нашёл расхождение — штраф. Штраф — не «казнить», а денежный. Тройной размер недоплаты. Лорду выгоднее платить честно, чем воровать.

— Штрафы. — Кайрус повторил слово, будто пробуя на вкус. — Не казни. Штрафы.

— Владыка, казни — дорого. Каждая казнь — минус лорд, минус налогоплательщик, минус ресурсы на подавление сопротивления его родни. Штраф — плюс деньги, минус ноль. Штрафовать выгоднее, чем казнить. Всегда.

Он молчал. Обдумывал.

— Продолжай.

— Третье. Шахты. У вас девять шахт, работает одна. Восемь стоят — не потому что руды нет, а потому что нет управления. Введём государственную корпорацию — шахты работают, добыча идёт напрямую в казну, а лорды получают процент как акционеры. Не владельцы — акционеры. Разница огромная: акционер заинтересован в прибыли, а не в контроле. Лорд, который владеет шахтой, ворует. Лорд, который получает процент, следит, чтобы не воровали другие.

— «Акционер», — повторил Кайрус.

— Аналогов у вас нет. Придётся создать понятие.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом — впервые за всё утро — сделал нечто.

Он усмехнулся.

Не улыбкой — Гризельда предупреждала, улыбка = приглашение. Просто уголок губ — левый — дёрнулся вверх на миллиметр. Микроусмешка. Демоническая. Едва заметная.

Но я заметила.

— Ты говоришь так, — сказал он, — будто у тебя опыт.

— Владыка, у меня двадцать лет опыта в этом. В моём мире.

— И там ты была... кем?

Хороший вопрос. Прямой. Он слушал меня всё утро — и вычислил главное: я говорю как специалист. Не как случайная рабыня. Как человек, который занимается этим профессионально.

— Я решала кризисы, — сказала я. — Политические, экономические, репутационные. Ко мне приходили правители, чьи государства разваливались. Владельцы предприятий на грани банкротства. Люди с уничтоженной репутацией. Я делала так, чтобы государства не разваливались. Предприятия — не банкротились. Репутация — восстанавливалась. За это мне платили. Много. Я была лучшей в своём деле.

— Была.

Я посмотрела на него. На его тени под глазами. На седину на висках. На шрамы на предплечьях.

— Была, — согласилась я. — Умерла от переработки. Двадцать третьего ноября, в три часа сорок семь минут. Сердце остановилось. Я сидела за столом и не отправила клиенту письмо. Проснулась — здесь.

Молчание.

Кайрус не выразил ни удивления, ни сомнения, ни насмешки. Как будто «умерла и очнулась в другом мире» — обычная биографическая деталь. Как «родилась в Екатеринбурге» или «окончила университет».

Демоны, видимо, привыкли к странным вещам.

— И ты хочешь, — сказал он медленно, — вернуться? Домой?

Вопрос был не праздный. Я почувствовала — за ним стояла цена. Цена сделки. То, что я попрошу за свою работу.

Дома нет, — подумала я. — Дом — это Тверская, кофемашина, тридцать три года без семьи, без детей, без ничего, кроме дедлайнов. Дом — это офис, где я умерла. Дом — это мама, которая не знает, что я умерла, потому что мы полгода не разговаривали, потому что я не звонила, потому что дедлайн. Дом — это пустота, обёрнутая в брендовый шёлк.

Но здесь — тоже не дом. Здесь — задача. Огромная, невозможная, интересная задача.

Задача, пока — не дом. Никогда не дом. Но пока — задача.

— Да, — сказала я. — Хочу вернуться. Через полгода. Когда работа сделана.

Он смотрел на меня. Долго. Медленно.

Потом кивнул.

— Договор, — сказал он. — Полгода. Ты работаешь — я слушаю. Ты — моё имущество, но с неприкосновенностью. Ты действуешь моим голосом по вопросам, которые я делегирую. Ты получаешь доступ ко всему, что запрашиваешь. Через полгода — если работа сделана — ты идёшь домой.

— Как? — спросила я.

— Что «как»?

— Как я иду домой? У меня нет пути. Я попала сюда случайно. У меня нет магии, чтобы вернуться.

Пауза. Кайрус — впервые за утро — отвёл глаза. Посмотрел в окно. За окном — красное небо, вулканы, чёрные скалы.

— В этом мире, — сказал он тихо, — есть способы. Древние. Опасные. Дорогие. Я найду. Это — моя часть сделки.

— Владыка, — сказала я, — вы уверены, что это возможно?

Он повернулся ко мне.

— Нет, — сказал он честно. — Но если сделка невозможна с моей стороны — она невозможна с твоей. Мы оба ставим на может быть. Я — на то, что ты спасёшь империю. Ты — на то, что я верну тебя домой. Если ты сможешь — я сделаю всё, чтобы смочь я. Это — единственный договор, который я могу тебе предложить.

Я смотрела на него.

Триста двенадцать лет. Сорок семь трупов. Империя, которая разваливается. Ни одного союзника. Ни одного человека — простите, ни одного существа — которому он мог бы доверять.

И он смотрел на меня — рабыню, человеческую, слабую, чужую — и предлагал сделку. Ставку. Оба вслепую. Оба в отчаянии.

— Договорились, — сказала я. Подняла руку — правую, в кандалах. — Как это скрепляется у вас? У орков — плевок. У демонов?

Он посмотрел на мою руку. Потом — на свою.

— У демонов, — сказал он, — договор скрепляется словом. Слово Владыки — печать сильнее любой магии. Я сказал — значит, сделано. Ты сказала — я услышал. Договор заключён.

— Как формально, — сказала я. — В моём мире мы подписываем бумаги. Иногда в трёх экземплярах.

— В моём мире, — сказал Кайрус, — подписи можно подделать. Слово — нельзя.

— Разумно.

Пауза.

— Тогда — за работу?

— За работу.

Мы работали до вечера.

Не в переносном смысле — буквально. Часов десять подряд. Он показал мне карты — политические, экономические, ресурсные. Я их изучала. Показал отчёты лордов — за последние двадцать лет. Я находила расхождения — с помощью Шника, которого он вызвал через час после начала.

Шник влетел в кабинет с дощечкой, поклонился Кайрусу, увидел меня — за одним столом с Владыкой, в человеческой одежде, но с кандалами — и замер.

Потом поклонился мне.

Отдельно, глубоко, официально.

— Госпожа советница, — сказал он.

Я посмотрела на Кайруса. Кайрус — на Шника. Потом — на меня. Один уголок губ — левый, снова левый — дёрнулся на миллиметр.

Он не поправил Шника.

Значит — «советница» — теперь мой титул.

Формальный. Официальный. Демонический.

Пока.

Мы работали втроём — я, Кайрус, Шник. Гризельда приносила еду и питьё в течение дня, молча, эффективно. Один раз Кайрус вызвал Гроша — тот пришёл, послушал наш разговор об армии, минут двадцать хмурился, потом согласился с моим предложением о новой системе снабжения и ушёл, не сказав мне ни слова. Что для орка, вероятно, было высшей формой одобрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.